

■ НА ЛИНИИ ОГНЯ ■

1941 год ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ

БЕРЕЗОВЫЕ КРЕСТЫ
ВМЕСТО ЖЕЛЕЗНЫХ

РОБЕРТ КЕРШОУ

На линии огня

Роберт Кершоу

**1941 год глазами немцев.
Березовые кресты
вместо Железных**

«Яуза»

2000

УДК 327
ББК 66.4

Кершоу Р.

1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо Железных /
Р. Кершоу — «Яуза», 2000 — (На линии огня)

ISBN 978-5-00155-248-2

Мы почти не брали пленных, потому что русские всегда дрались до последнего солдата. Они не сдавались. Их закалку с нашей не сравнить...» «Они сражались до последнего, даже раненые и те не подпускали нас к себе. Один русский сержант, безоружный, со страшной раной в плече, бросился на наших с саперной лопаткой, но его тут же пристрелили. Безумие, самое настоящее безумие. Они дрались, как звери, - и погибали десятками...» Эта уникальная книга британского историка, созданная на основе многочисленных интервью с уцелевшими ветеранами Вермахта, участниками вторжения в Советский Союз, наглядно показывает, что операция «Барбаросса» вовсе не была победоносным маршем на восток, как ее традиционно изображают в западной литературе. В непрерывных боях гитлеровцы потеряли в четыре раза больше солдат, чем во время Французской кампании. Автор анализирует расхожий миф о непричастности Вермахта к преступлениям нацистского режима и откровенно рассказывает о зверствах немецкой армии по отношению к военнопленным и гражданскому населению, которые сами немцы до сих пор списывают исключительно на эсэсовцев. История блицкрига и его провала показана глазами простых солдат и офицеров, которые на собственной шкуре испытали, что такое война с русским народом, и с ужасом наблюдали, как их поход за победными венками превратился в марш за березовыми крестами. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-00155-248-2

© Кершоу Р., 2000

© Яуза, 2000

Содержание

Введение	7
Глава 1	9
Суббота. 21 июня 1941 года	9
«Позабудьте о чувстве товарищества»	12
«У фюрера всё под контролем»	18
«Завтра нам предстоит вступить в битву с мировым большевизмом»	24
Глава 2	29
«Бесконечное давление на личность»	29
«Долг и порядок». И фюрер.	35
«Готовы... к тому, что должно случиться!» Германская армия.	39
Июнь 1941 года	
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Роберт Кершоу
1941 год глазами немцев. Березовые
кресты вместо Железных

■ НА ЛИНИИ ОГНЯ ■

© ООО «Яуза-каталог», 2020

© Кершоу Р., 2020

© Уткин А.Л. (пер. с англ), 2020

Введение

До сих пор об операции «Барбаросса» никто так и не опубликовал воспоминаний, сделанных ее непосредственными участниками – простыми солдатами. Историки и оставшиеся в живых участники русско-германской войны 1941–1945 гг., как правило, сосредотачивались на ходе военных операций и тут же сталкивались с крайне неудобными вопросами морально-этического характера, либо обращали внимание лишь на какой-то один аспект войны, начисто забывая о других. Я с интересом прочитал заметки Пауля Коля, который, решив повторить путь частей наступавшей группы армий «Центр», в 80-е годы совершил паломничество в Россию. Из 35 ветеранов, которых Коля решил привлечь к своей акции, лишь трое признались в том, что допускали превышение служебных полномочий в ходе боевых действий. Однако, с другой стороны, практически во всех городах сегодняшней Германии недавно прошла передвижная выставка под названием «*Vernichtungskrieg*» («война на уничтожение»), целью которой было обнародовать и заклеить позором вермахт, возложив на него вину за эту войну. Не стоит забывать о том, что нынешний бундесвер (Вооруженные силы ФРГ) – прямой наследник вермахта. И те из немцев, кому почти не выпало столкнуться с военными преступлениями в период войны, не скупятся на героико-эпические легенды о том времени. В столь же некритичной риторике выдержаны и сказания о героической «Великой Отечественной войне», распространенные в России, где она рассматривается исключительно в идеологической перспективе. Скорее всего, наиболее честно о войне сказал один бывший солдат вермахта, заявивший во время телеинтервью следующее: «Если кто-то утверждает, что большинство немцев были невиновны, то я назвал бы их сообщниками тех, кто совершал преступления».

Война предполагает различные степени ответственности, и они подлежат всестороннему рассмотрению. Тема военных преступлений с болезненной дотошностью изучалась социал-демократически настроенными учеными, в свое время оценивавшими степень виновности американских солдат во Вьетнаме, французских – за постколониальные конфликты в Алжире и британских – за Фолклендские острова. Но проблемы военной морали нельзя рассматривать в черно-белом свете, как полагают упомянутые авторы. Даже солдаты миротворческих сил ООН и НАТО в последнее время имели возможность убедиться на Балканах, что моральная ответственность в период военного конфликта – понятие растяжимое. Война Германии против Советского Союза была войной между двумя тоталитарными государствами, войной двух идеологий, и степень идеологического давления, оказывавшегося на ее участников, недооценивается современными, возвращенными на демократических ценностях, историками, поскольку последние просто не представляют себе жизни в тех условиях. Гельмут Шмидт, участник Второй мировой войны, а впоследствии федеральный канцлер Германии, в интервью одной из газет бросил камень в огород военных историков, заявив, что не следует воспринимать каждый документ, в котором говорится о военных преступлениях, как неоспоримое доказательство. Не всем немцам, побывавшим на фронте, пришлось столкнуться на войне с творимыми жестокостями, заявил он в подтверждение сказанному.

Документы – очень важные источники. Но и пережитое – тоже истина, поскольку побуждает нас к действию. Именно поэтому предлагаемая книга – есть попытка изучить, понять и объяснить с помощью солдатских писем с фронта и дневниковых записей, во что верили участники боев, какими мотивами они руководствовались.

Как же все-таки, с точки зрения христианских ценностей, объяснить или, более того, как совместить с этими ценностями систематические зверства, которые творили солдаты вермахта, на первый взгляд люди вполне цивилизованные, в отношении советских военнопленных и гражданского населения? Война – жестокая вещь, и она не щадит никого из тех, кто в ней участвует, одного такого объяснения явно недостаточно. Есть, видимо, какие-то неявные эмо-

ции, последствия пережитого, превращающие героев в заурядных уголовников. И лишь познав эти «слепки» личного опыта, становится возможным верно и объективно оценить чувства, переживания и мотивы солдат, ведущих безжалостную войну на чужой территории. Название книги продиктовано выражением, бытовавшим среди немецких солдат – «*Kein Blumenkrieg*» — «война, где тебя не осыпают цветами». Вряд ли те, кто тогда воевал на Восточном фронте, тешили себя надеждами, что их забросают цветами на этой войне, как забрасывали на берлинских парадах после свершившегося на Западе блицкрига.

Книга признает, что война – это еще и глубоко личное. Воспоминания о ней – сотни и тысячи элементов мозаики, мгновений, запечатлевшихся в памяти подобно фотоснимкам, именно такова и авторская концепция книги. Пять чувств, свойственных человеку, и определили форму, в которой фиксировались изучаемые события. Остается добавить, что душевное состояние солдат надлежит оценивать, исходя из того, что им довелось испытать, и учитывая идеологическое воздействие, которое на них оказывалось. Отсюда бесчисленные обращения автора к дневникам и письмам.

Важно не забывать о значимости описываемых событий, ибо из 20 миллионов солдат вермахта, участвовавших во Второй мировой войне, 17–19 миллионов воевали в России. Именно им выпало закладывать основу будущего государства, сегодняшней Германии, одной из самых просвещенных и демократичных стран мира. Предлагаемая вниманию читателя книга – это попытка исследования сурового испытания, выпавшего на долю этих людей, ставшего исходным пунктом их становления и определившего их дальнейшую жизнь.

Автор безгранично благодарен супруге Линн, взявшей на себя перепечатку рукописи и ее редакторскую правку. Если в книге и присутствуют ошибки, то они исключительно на совести самого автора, поскольку он отказался их исправлять!

Без Линн эта книга никогда не увидела бы свет.

Сослсбери, 2000 год

Глава 1

«Мир затаит дыхание»

«Представляю, как вы все удивитесь и перепугаетесь. Но бояться нечего, здесь все предусмотрено, никаких сбоев не будет».
Ефрейтор артиллерийского полка.

Суббота. 21 июня 1941 года

Молодой унтер-офицер оторвал взгляд от исписанного листка, ощутив на лице теплый ветерок, прилетевший с литовской равнины. День простоял душный и жаркий. Затем он продолжил писать прерванное письмо:

«У меня такое чувство, что завтра утром, быть может, не завтра, а послезавтра, произойдет нечто, что заставит мир призадуматься. Более того, я не сомневаюсь, что не останусь в стороне от этих событий. Хочется надеяться, что ближайшее будущее еще на шаг приблизит нашу окончательную победу».

Его часть, 6-я пехотная дивизия, была одной из 120 дивизий, сосредоточенных вдоль демаркационной линии, протянувшейся от Финского залива и до Черного моря. Огромная масса людей, три миллиона солдат и офицеров, жила предчувствием чрезвычайных событий.

Лейтенант Герман Витцман, 26-летний командир взвода, сидел вместе с подчиненными в палаточном лагере, замаскированном в лесу неподалеку от реки Буг и в непосредственной близости от советской крепости Брест-Литовск. Погожий июньский день клонился к закату. Верхушки сосен едва заметно колыхались под свежим вечерним ветерком. Сквозь ветви проникали лучи заходящего солнца. «Небо над нами похоже на голубой шатер, – записал Витцман. – Мы стоим на пороге великих событий, – продолжал он исповедь на странице письма, – в которых и мне лично отведена роль». Незнание тревожило. «Никому из нас не дано знать, уцелеет ли он в грядущих событиях». Война казалась неизбежной. Вот-вот предстояло начаться новая кампания, но никто не знал, где именно это произойдет. Неуверенностью перед битвой были охвачены все. «После долгих споров, бесед, вопросов и сомнений мы, наконец, успокоились и расслабились. Как всегда в таких случаях, последнее слово, которое могло разъяснить ситуацию, было сказано».

В этот же день севернее Бреста Итал Гельцер находился в «размалеванной разноцветной палатке, одной из многих в этом лагере, укрытом под высокими соснами». Он чувствовал себя счастливчиком. Придя в гости к командиру разведывательного взвода, он даже получил возможность встать во весь рост в этой палатке. «Очень удобно, когда одеваешься», – заметил он. Под потолком висит лампа, даже пол имеется, здесь хорошо спать, если только холод по ночам не донимает. Все дело в том, что он был допущен к картам. Они-то и объяснили суть момента. Осведомленность, информированность – дело престижное в кругу однополчан. «Вся карта по краям была усеяна стрелками – направление на Львов», – так Гельцер и написал в своем письме. Больше, чем стрелки, вряд ли скажешь. По вечерам он усаживался под сосны и наигрывал на губной гармошке швейцарские народные мотивы. Перед битвой его, как и многих других, занимали мысли о близких и родных. «Думаю о вас, о тех, кто разбросан по миру, – писал он, – хочется верить, что кончится война и настанет день, когда все мы сможем зажить жизнью, какой не довелось пожить нашим родителям». Вынужденное безделье и томительное ожидание изматывало. «Разве мне приходилось раньше столько сидеть и ждать?» – вопрошал он в письме. Слухи – один краше другого. «Пришло известие о каком-то соглашении с Турцией;

если это говорилось о России, я поверил бы в него по принципу *«credo quia absurdum»* (верую, потому что абсурдно)». Гельцер завершает свое эпистолярное произведение интригующе-цветистым выражением: «Когда вы будете читать эти строки, нам уже все будет известно. Как раз сейчас, в этот вечер, мы находимся на марше». Ему вообще-то знать об этом не полагалось, но стрелки на карте без обиняков указывали пункт назначения его части: местечко Борисычой, севернее Львова. Четыре дня спустя Гельцер погибнет в бою¹.

Лейтенант Витцман старался ожесточить себя накануне предстоящих сражений. Строки из его письма выдают в нем романтика, глубоко верующего человека:

«Бог-Отец, даруй мне силу, веру и отвагу не склонить головы под свистящими пулями, под грохотом артиллерийских залпов и разрывами бомб, помоги мне не дрогнуть перед танками противника и ужасами газовых атак. Да воздастся Тебе доброта Твоя».

Лейтенант Витцман не переживет и суток.

Перед началом операции предпринимались совершенно беспрецедентные меры секретности. Без этого было не обойтись. На 800-километровом участке польской территории у демаркационной линии были сосредоточены 7 полевых армий вермахта. Четыре танковых группы и три воздушных флота люфтваффе находились в полной боевой готовности: 600 000 автомобилей, 750 000 лошадей, 3580 танков и самоходных орудий, 7184 артиллерийских орудия и 1830 самолетов. Активность немцев в районе аэродрома Маринглен в Польше привлекла внимание двух польских рабочих, оба примерно догадывались, чем она вызвана. В 1940 году евреев и поляков согнали на принудительные работы по сооружению взлетных полос. Ян Щепаник рассказывает: «Я выполнял все приказы. Если меня посылали в лес таскать оттуда дрова – я их таскал. Надо было доставить стройматериалы для возведения бараков, я занимался этим». И меры, принимаемые для маскировки объекта, не могли не броситься в глаза.

«Когда немцы закончили взлетную полосу, они позволили ей зарости травой, и даже пасли на ней скот. Она и на аэродром не походила, посмотришь – пастбище и пастбище. Тем более что вся была покрыта белым клевером. Стенами для ангаров служили стволы деревьев, сверху покрытые зеленой маскировочной сетью. Когда листва увяла, ее заменили на свежую».

В одной только Восточной Польше было построено 100 основных аэродромов и 50 полевых. Щепаник и его приятель Доминик Струг прекрасно догадывались, к чему вся эта подготовка. «Все кругом знали и понимали, – в один голос заявили оба поляка, – что речь идет о войне с Россией».

К началу июня месяца артиллерийская батарея обер-лейтенанта Зигфрида Кнаппе была перебросена в Восточную Пруссию. На учениях в районе Просткена, вблизи границы с СССР, Кнаппе вместе с другими командирами батарей был вызван на совещание, где обсуждались вопросы «выбора наиболее удобных артиллерийских позиций с учетом обстрела территории СССР». Командир дивизиона предупредил их об «особой осторожности» при проведении подготовки. В ответ на его слова офицеры сослались на советско-германский пакт о ненападении, но их поспешили заверить, что речь идет «всего лишь об учениях». Позиции были выбраны идеально. После этого командирам батарей приказали выслать солдат, переодетых в гражданскую одежду, для погрузки и транспортировки на позиции снарядов. «Так ваши люди будут выглядеть, как крестьяне, занятые рутинной работой, а боеприпасы необходимо по прибытии на место сразу же разгрузить и замаскировать», – велел командир дивизиона. Смысл дошел до командиров батарей. Один из них поинтересовался: «На кого мы собрались нападать, герр майор?» Вопрос напрямик явно застал командира батальона врасплох. Смутившись, он попытался отделаться отговоркой: «Это чисто гипотетическая ситуация. Но нужно быть готовыми ко всему». В близлежащих крестьянских хозяйствах срочно реквизируют гражданскую

---

¹ Из текста неясно, где именно располагалась часть И. Гельцера, поскольку из района «севернее Бреста» она никак не могла наносить удар в район «севернее Львова». Очевидно, здесь мы имеем дело с ошибкой автора. (Прим. ред.)

одежду, и переодетые под крестьян солдаты, погрузив 300 снарядов на телеги, перевезли их на подготовленные позиции.

Под покровом темноты на исходные рубежи выдвигались и танки. Передовые части 1-й танковой дивизии покинули места постоянной дислокации в Цинтене под Кёнигсбергом 17 июня. Командиры получили приказ передвигаться только в темное время суток. Переодетые в гражданскую одежду и высланные вперед офицеры разведывательных подразделений проводили рекогносцировку участков германо-советской границы на ее литовском участке. Как только дивизия в полном составе выдвинулась в район сосредоточения, всякое передвижение бронетехники было воспрещено. Рядовой Альбрехт Линзен, подразделение которого размещалось в замаскированном палаточном лагере близ Влодавской² на высоком западном берегу Буга, вспоминал, что «любые передвижения и занятия вне стен барачных должны были осуществляться с соблюдением мер маскировки». Размеренно, но без особого энтузиазма выполнялись обязанности, «но напряжение с каждым днем росло». Все до единого чувствовали приближение грозных событий, но ни характера их, ни конкретного содержания предугадать никто не мог. Еще один пехотинец, Герхард Гёртц, рассуждал:

«К 20 июня мы поняли, что война с Россией весьма вероятна. Это чувствовалось буквально во всем. Запрещалось раскладывать костры, разгуливать с фонарями и вообще шуметь. Единственное, в чем не сомневался никто, – в том, что нам вскоре предстояла очередная кампания!»

Нежные послания из дома – еще лучшее свидетельство непонимания происходящего. Вот письмо одной любящей супруги своему мужу по имени Хайнц:

«Ты что, на больших маневрах? Бедненький. Ладно, будем надеяться, все сложится так, что, наконец, настанет долгожданный мир, и мы с тобой будем мужем и женой, а еще лучше папочкой и мамочкой».

В полдень 21 июня ефрейтор Эрих Куби, связист, записывает в своем дневнике: «Я на дежурстве, ничего интересного». А в его недельной давности газете «Ди Франкфуртер цайтунг», тоже новостей негусто. Куби предполагал, что должно произойти, но не находил подтверждений своим догадкам. Любопытно лишь, что в тот же полдень капеллан стал отправлять службу.

---

² Возможно, речь идет о польском городе Влодава. (Прим. ред.)

«Позабудьте о чувстве товарищества»

За одиннадцать месяцев до описываемых событий генерал Франц Гальдер, начальник Генерального штаба Вооруженных сил Германии, бегло изложил содержание совещания высшего генералитета вермахта, прошедшего в ставке фюрера Бергхоф. Вторжение на Британские острова маловероятно. «Сама по себе война выиграна», – писал Гальдер. И у Британии нет возможности каким-то образом изменить сложившуюся ситуацию. «Надежда Англии – Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка тоже отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии». И в заключение Гальдер нацарапал на листке бумаги: «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия.

Вывод: В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года».

Решение Гитлера напасть на Россию диктовалось не только, и даже не столько, стремлением исключить из войны Британию. Главенствующими в этом случае были идеологические соображения. Их будущий фюрер довольно путано и напыщенно изложил в «Майн кампф» еще в 1925 году. За митинговой терминологией, по части которой Гитлер не имел себе равных, скрывалась незамысловатая правда, суть которой сводилась к необходимости войны с Советским Союзом. Раса – вот что, по мнению фюрера, было решающим фактором развития человеческой цивилизации. Германская нация являет собой олицетворение и несокрушимый бастион арийской расы на одном полюсе, а на другом находятся иудеи, евреи, чье «паразитическое и дегенеративное» влияние грозит похоронить цивилизацию. Германского превосходства можно было достичь сначала устранением внутренних политических противников и затем в решающей битве сокрушить державы-победительницы в Первой мировой войне. Для того чтобы в полной мере развернуть потенциал, германским арийцам необходимо расширить границы рейха на восток, обрести «*Lebensraum*» (жизненное пространство). Дальнейшей целью является создание германской империи с границами от Урала до Гибралтара, свободной от евреев, славян и прочих «*Untermenschen*» («недочеловеков»).

На заседании Имперской кинопалаты. Штурмбаннфюрер СС Фриц Гипплер – постановщик пропагандистского фильма «Вечный Жид»

К 1941 году подавляющее большинство населения Германии, в особенности офицерство, безоговорочно принимало эту теорию. Сохранились заметки Гальдера о более чем двухчасовом совещании высших офицеров и генералов у Гитлера, где обсуждались вопросы «колонизальной политики», связанные со скорым захватом восточных территорий. России грозила участь оказаться расчлененной: север отходил Финляндии, республики Прибалтики планировалось превратить в протектораты, та же перспектива предусматривалась для Украины и Белоруссии. Гальдер писал:

«Столкновение двух идеологий. Мы должны позабыть о духе товарищества и солдатской солидарности. Коммунист никогда не был и никогда не станет нашим товарищем. Речь идет о войне на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, через тридцать лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего противника».

Имперский министр народного просвещения и пропаганды, рейхслайтер, гауляйтер Берлина, доктор философии Пауль Йозеф Геббельс поздравляет с днем рождения рейхсмаршала, главнокомандующего люфтваффе, имперского уполномоченного по выполнению 4-хлетнего плана, постоянного заместителя фюрера в совете обороны рейха, главного имперского лесничего Германа Вильгельма Геринга

Далее мы читаем написанные рукой Гальдера директивы, воплощение жестокости. «Эта война будет резко отличаться от войны на Западе». Война с Россией будет включать в себя «устранение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции».

Принципы, которыми предстояло руководствоваться штабным офицерам, вскоре нашли отражение в директивах верховного командования. «Командиры, – писал Гальдер, – должны пожертвовать многим, чтобы преодолеть свои колебания». Впредь именно так многие и поступали.

Два месяца спустя генерал-фельдмаршал фон Браухич, в то время Верховный главнокомандующий силами вермахта, издал серию директив, определявших свободу действий командиров в будущей войне. Приказ *«Обращение с гражданским населением на оперативных участках в ходе осуществления плана «Барбаросса»*, подписанный фон Браухичем в мае 1941 года, был снабжен грифом секретности, доступ к документу имел лишь офицерский состав. В основном в этой директиве речь шла об акциях «умиротворения» на занятых территориях, дабы воспрепятствовать всякого рода сопротивлению против представителей оккупационного режима. «Всякое сопротивление, – предписывал фон Браухич, – должно пресекаться решительно, жестко, всеми имеющимися средствами». Войскам «предоставлялось право и вменялось в обязанность ликвидировать саботажников», как «в бою, так и при их отступлении». В случаях проявления акций саботажа предписывалось принимать меры коллективного воздействия по отношению к жителям населенного пункта, в котором такие акции имели место. Позорный «приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 г. был снабжен введением, где говорилось о том, что «в войне против большевизма принципы Женевской конвенции неприменимы». Таким образом, коммунисты, по мнению немецкого командования, не являлись военнопленными в общепринятом смысле, «следовательно, их надлежит расстреливать».

на месте». Определять комиссаров следовало по нарукавной нашивке красного цвета «с красной звездой и с серпом и молотом».

Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) и Верховное главнокомандование сухопутных войск (ОКХ) издавали директивы, освобождавшие офицеров и солдат вермахта от ответственности за несоблюдение международных норм. И эти распоряжения, следует отметить, исходили от армейских штабов, а не эсэсовских функционеров. Представители высшего генералитета – Эрих фон Манштейн, Вальтер фон Рейхенау и Эрих Гёпнер – издавали свои, параллельные директивы. Гёпнер напоминал своим подчиненным из 4-й танковой группы о том, что «это извечная битва германских народов со славянскими, имеющая целью защиту европейской культуры от нашествия москвитов и азиатов и еврейского большевизма». И в предстоящей великой битве не должно быть никакого сострадания:

«Целью этой битвы должно стать уничтожение нынешней России, и в связи с этим она должна осуществляться с невиданной до сих пор жестокостью. При планировании и осуществлении любой военной акции следует руководствоваться железной решимостью, беспощадно и окончательно уничтожить врага.

В особенности следует подчеркнуть, что при устранении существующей в России большевистской системы не следует избегать никаких мер».

И носителями этой концепции мирового порядка были солдаты, в первую очередь те, кого взрастил гитлеризм и нацистское мировоззрение. Для них подписание с непримиримым идеологическим противником пакта о ненападении в августе 1939 года являлось фактом положительным, несмотря на имевшиеся оговорки. Фюрер проявил себя искушенным и лукавым политиком, не желавшим для Германии войны на два фронта и повторения катастрофы 1914–1918 гг. И кадры «Дойче вохеншау» (еженедельного документального кинообзора), где изображался Риббентроп и его историческая миссия в Москву, зрители встречали с таким же восторгом, с каким год назад англичане встречали Чемберлена, размахивавшего листом бумаги по возвращении из Мюнхена. Казалось, Адольф Гитлер обрел способность управлять событиями в мире по своему усмотрению. «Фюрер все держит в руках», – такова была простая и утешительная истина для малообразованных и политически наивных солдат, когда это касалось внешнеполитической сферы. И, если судить здраво, никакой особой нужды нападать на Советский Союз не было.

Германо-российские отношения с 1918 года в большой степени определялись совпадением национальных интересов обеих стран, временами даже сводившим на нет идеологические разногласия. Обе страны пострадали в Первой мировой войне, потерпев в ней поражение. Обе страны с крайним раздражением воспринимали рождение нового независимого польского государства. Секретный обмен на военном уровне, начавшийся даже до заключения Рапалльского договора в 1922 году, позволил германским фирмам под вывеской берлинских фиктивных компаний производить на территории СССР самолеты, подводные лодки и оружие всех видов, включая танки и ядовитые газы. Однако германским коммунистам приходилось у себя дома не сладко – в Веймарской республике с ними особенно не церемонились. Возникновение нацистской партии углубило идеологическую пропасть, и налаженные связи оборвались. Интересы России и Германии определили новую тенденцию – к компромиссу, которого желали и Гитлер, и Сталин. Если даже оставить за скобками дипломатический и военный аспекты, в рамках существовавшего соглашения Советский Союз экспортировал значительное количество сырья и сельскохозяйственной продукции в Германию – зерно, нефтепродукты, фосфаты, хлопок, лес, марганец, платина – вот далеко не полный перечень продуктов, регулярно отправлявшихся в рейх. Крайне важна была для Германии и возможность транзитных перевозок из Индии каучука и сои. К 22 июня 1941 года в Германию было доставлено около миллиона тонн минеральных масел. Зондерфюрер Тео Шарф из 97-й пехотной дивизии, входившей в состав группы армий «Юг», отметил:

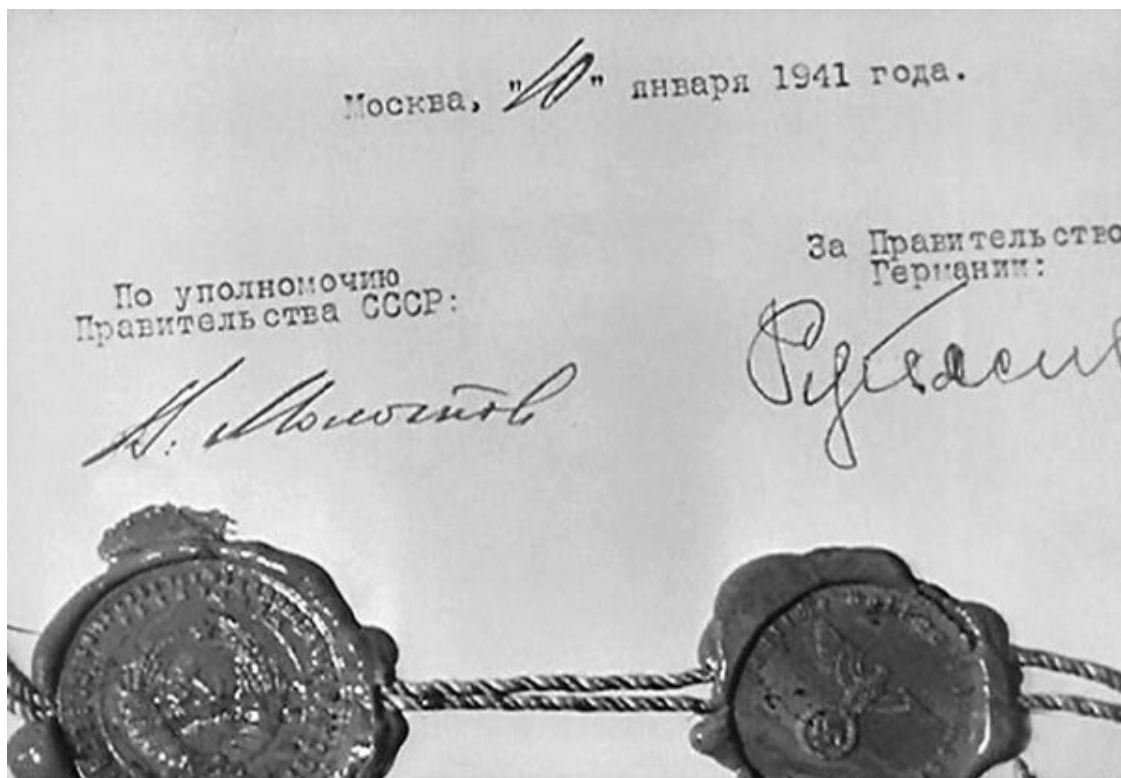
«Вдоль согласованной в 1939 году демаркационной линии наблюдалась невиданная концентрация войск. На эту тему циркулировала масса слухов. С одной стороны, всем было ясно, что против Советов что-то затевается. С другой стороны, в Германию из СССР исправно следовали нефтеналивные составы с бакинской нефтью».

В этой связи всякие мотивы нападения Германии на СССР, несмотря на явные признаки возможности такого развития событий, представлялись абсурдными. Шарф горестно признает: «Я, значит, проспорю тогда одному безвестному советскому лейтенанту бутылку шампанского. Я еще доказывал ему, что мы никогда не нападем на СССР».

Министр иностранных дел СССР Молотов в середине ноября 1940 года нанес официальный визит в Берлин. Это событие с большой помпой освещалось в германских средствах массовой информации и, в частности, заняло солидное место в выпусках еженедельной хроники «Дойче вохеншау». Простые немцы, зная они, как обстоят дела в действительности, наверняка призадумались бы. За месяц до визита Молотова в Германию планирование предстоящей операции «Отто» (лишь позже ей было присвоено другое кодовое название – «Барбаросса») осуществлялось полным ходом. Гальдер патетически заметил, что, дескать, расчеты России на войну Германии с Англией «явно не оправдаются».

«Мы уже на русской границе – 40 дивизий. Позже будем иметь там 100 дивизий. Россия наткнется на гранитную стену. Однако невероятно, чтобы Россия сама начала с нами конфликт».

«В России управляют разумные люди», – начертил Гальдер комментарий по поводу прогнозов Гитлера о возможном сопротивлении русских в ходе войны. Молотов был не знающим жалости, прожженным дипломатом масштаба Бисмарка. Поэтому когда Румыния и Венгрия присоединились к странам «оси», это заставило Молотова поверить в то, что Германия нарушает дух договора августа 1939 года. Заверения в том, что трехстороннее соглашение (Германия – Италия – Япония) направлено против США и Англии и ничуть не затрагивает интересов России, не убедили советское руководство. Поэтому, в полном противоречии с тем, что говорилось в средствах массовой информации, но вовсе не удивительно для тех, кто наблюдал переговорный процесс вблизи, визит Молотова едва не похоронил германо-советские отношения. Пауль Шмидт, личный переводчик Гитлера, так описывает этот пронизанный едким сарказмом диалог Молотова с Гитлером, который, естественно, не был обнародован. Молотов, по словам Шмидта... «...не церемонился в выражениях и вообще не щадил самолюбие Гитлера. Без тени улыбки на лице, бескомпромиссный, злобно посверкивающий очками, он страшно напомнил мне учителя математики, когда, смерив Гитлера презрительным взглядом, точно тот был его учеником, заявил: «Так как же, наше прошлогоднее соглашение еще в силе?»

10 января 1941 года. Подписи и печати Наркоминдел Молотова и посла Третьего рейха в СССР графа фон Шуленбурга под дополнительным советско-германским соглашением о Литве

Гитлер, кому вдруг показалось, что перевод неадекватен, ответил: «Разумеется, а почему оно должно утратить силу?» На что Молотов ответил: «Да потому что я задал этот вопрос в связи с финнами. Вы ведь очень дружите с финнами. Приглашаете их к себе в Германию, свои миссии к ним высылаете, а финны, между тем, люди очень опасные. Они подрывают нашу безопасность, и нам предстоит что-то решать по этому поводу».

На что Гитлер, разъярившись, ответил: «Я вас прекрасно понимаю. Вам нужна война с финнами, а вот об этом и речи быть не может. Послушайте, вы меня понимаете? – так вот – это невозможно! В таком случае я окажусь отрезанным от никеля, железа и другого необходимого сырья».

Шмидт делает заключение: «Это был очень нелегкий диалог, поединок двух тяжеловесов». Как бы это ни воспринималось, это мало напоминало идеологическое противостояние, речь шла исключительно об узконациональных интересах. Обе страны не доверяли друг другу. Гитлер и приглашенные им на обед муссировали вздорные слухи, распространяемые личным врачом Гитлера д-ром Карлом Брандтом о том, что якобы Молотов велел прокипятить посуду, с которой предстояло есть, дабы уберечься от германских бактерий. Тем не менее, как будут восприняты итоги переговоров, очень заботило Гитлера, пусть ради этого ему пришлось пойти даже на фальсификацию их итогов. После встречи Гальдер сделал следующую запись: «Результаты: Конструктивный тон. Россия не хочет разрывать отношений с нами. Это должно повлиять на остальной мир». Еженедельная хроника «Дойче вохеншау» информировала аудиторию так:

«Состоявшиеся в Берлине переговоры прошли в атмосфере взаимного доверия и обнаружили полное взаимопонимание по всем вопросам, представляющим взаимный интерес».

«У фюрера всё под контролем»

Солдаты сосредоточенных на востоке дивизий не могли не почувствовать перемену во взаимоотношениях обеих стран. Один лейтенант писал домой в начале марта:

«Знаете, что я отметил? Что сейчас впервые с тех пор, как у нас улучшились отношения с Россией, русские не принимали участия в Лейпцигской ярмарке. Прошлой осенью и летом они были широко представлены и в Лейпциге и в Кёнигсберге на Балтийской ярмарке. И если проследить то, что пишется в нашей прессе по поводу нашего вторжения в Болгарию, можно заметить, что на сей раз Москва не упоминается. Сейчас мы ведем переговоры с Турцией о том, чтобы войти в Сирию, где «томми» сосредоточили свои самые сильные армии. И вы думаете, русские будут сидеть сложа руки? Как бы не так!»

Несмотря на все эти «любопытные признаки», младший офицер пришел к заключению, что «нет смысла ломать надо всем этим голову, главного все равно не избежать. Окончательная победа будет за нами». Другой солдат сделал в том же месяце в своем письме такое признание:

«Один русский генерал в нетрезвом состоянии хвалился, если, мол, с Польшей за 18 дней разделались, то с нами [то есть с Германией] и восьми за глаза хватит. Вот такое приходится сегодня слышать! Все это, конечно, очень интересно, но мы не так уж много и знаем о России (что касается территории, армии, казарм, аэродромов и так далее), о Польше, Голландии, Бельгии, Франции, а теперь – и об Англии мы знали куда больше. Но – как бы то ни было – унывать не стоит – у фюрера все под контролем».

Естественно, подобные высказывания – результат размышлений рядового состава. Вся сеть коммуникаций все сильнее растягивалась в восточном направлении. «Барбаросса», такое кодовое название имел план вторжения в Россию, разрабатывался с воистину тевтонской обстоятельностью. К 14 марта на восток уже были отправлены 2500 грузовых поездов первого эшелона войск. Развертывание войск продолжалось: в период с 8 апреля по 20 мая 1941 года из Германии и Западной Европы на восток было переброшено в общей сложности 17 дивизий, включая их штабы. В течение следующей декады прибыли еще девять дивизий. С 3 по 23 июня из южной и юго-западной Германии прибыли еще 12 танковых и 12 мотопехотных дивизий. Таким образом, общее число сосредоточенных у границ с СССР дивизий достигло 120. «Впечатляет бесконечность пространства, где будут наступать наши войска», – писал Гальдер 9 июня 1941 года. Офицер танковых войск гауптман Александр Штальберг вспоминает:

«В июне поступил приказ, ясно дававший понять, чего нам следует ожидать... Каждый солдат, от простого рядового до командира соединения, должен был освоить русский алфавит. Каждый обязан был уметь читать надписи на картах и дорожных указателях на русском языке. Это, разумеется, говорило само за себя, но разве не подписывали Гитлер со Сталиным пакт о ненападении два года тому назад? Разве не Гитлер лично принимал Молотова в ноябре месяце прошлого года в Берлине, чтобы обсудить с ним – как стало известно впоследствии – вопрос о расчленении Британской империи?»

Лейтенант Ф.-В. Кристианс был твердо убежден, что предстоящая миссия связана с намерением Германии защитить нефтеносные районы Баку от вероятного вторжения англичан. Поскольку между двумя странами существовал пакт о ненападении, то лейтенант не сомневался, что они беспрепятственно проследуют по территории «дружественной страны», и старательно уложил в чемодан свою летнюю форму и кавалерийскую саблю. «Ходили слухи о том, что нам, дескать, предстоит через территорию России передислоцироваться в Пакистан», – так считал Эдуард Янке, стрелок-мотоциклист из 2-й дивизии СС «Дас рейх». Впрочем, никто ничего не мог сказать с определенностью.

«Вроде бы Россия попросила у Германии помощи, но все это были лишь слухи, никто толком в это не верил. Мы поинтересовались у нашего командира взвода: «Так все же, куда теперь?» – «Понятия не имею», – ответил тот».

«Куда мы собрались? – поинтересовался Гётц из танкового разведвзвода. – Уж, не в Турцию ли? Или в Африку?» Ответов на эти вопросы не последовало. Колонны грузовиков тянулись на восток. «Нам ничего не было известно о том, когда выступать», – объяснял он. Вот позади уже остался Берлин, а их гнали дальше. Более-менее что-то начало проясняться только в Восточной Пруссии. 12-я танковая дивизия начала сосредоточение в лесном массиве близ Сувалок. «Чем ближе к русской границе, тем выше была плотность войск. Никогда прежде мне не доводилось видеть столько техники», – вспоминает бывший солдат этой дивизии Штальберг. Все понемногу стали понимать, в чем дело. Полк Тернера Хельзмана «располагался в 70–80 км западнее Варшавы. Там мы простояли около месяца, и все это время проводились интенсивные учения», – добавил он. «До этого нам раздали карманного формата словари – хоть немного подучиться русскому. Но я так его толком и не освоил, – признался Хельзман, – разве что «Руки вверх!»»

В сосредоточенных вдоль всей советско-германской границы войсках росла уверенность в скором начале новой кампании. «Здесь столько войск, – писал домой один ефрейтор еще в апреле месяце, – которых пригнали сюда, как и нас, и число их с каждым днем растет». Другой солдат утверждает: «Здесь не соскучишься – все дороги забиты военными транспортом. Что же все-таки ждет нас в ближайшие дни?» Судя по всему, солдат явно не в восторге от предстоящего, это явствует из тона его послания:

«Неужели еще одна война, вторая по счету за этот год? Я уже сыт ею по горло и предпочел бы заняться чем-нибудь поинтереснее, чем еще год таскать эту форму».

Планирование операции «Барбаросса» происходило выборочно, со строгим соблюдением принципа необходимого знания³.

Гитлер объявил о своем намерении напасть на Советский Союз 31 июля 1940 года, тогда и началась подготовка плана вторжения. Майор Карл Вильгельм Тило, молодой офицер-штабист, сотрудник оперативного отдела штаба ОКХ, записал в своем дневнике 21 сентября 1940 года в Фонтенбло, где тогда размещался штаб:

«Согласно распоряжению фюрера над территорией России надлежит провести аэрофотосъемку на глубину до 300 км в рамках подготовки вторжения. Мне в составе миссии военного атташе в Москве предстоит проработать задачи воздушной разведки и маршруты полетов разведывательных самолетов на трех направлениях наступления».

Через 11 дней Тило записал, что, по утверждениям военного атташе Германии, посетившего осенние маневры Красной Армии, «там все ждут начала советско-германской войны в 1941 году и считают, что после того, как будет сокрушена Англия, настанет черед России». Согласно утверждению генерала Блюментритта, начальника штаба 4-й армии, ни командующий армией – генерал-фельдмаршал фон Клюге, – ни его штаб до самого января месяца 1941 года не располагали информацией, указывавшей на скорое начало войны с Советским Союзом. Тем временем планирование продолжалось лихорадочными темпами до самого начала войны 22 июня 1941 года. Гальдер в январе того же 1941 года в двух словах сформулировал задачу предстоящей кампании:

«А. Использовать все имеющиеся соединения (тогда, 29 января, он считал необходимым иметь 144 дивизии)⁴.

---

³ Принцип необходимого знания – стратегия защиты информации, соответственно которой пользователь получает доступ только к данным, безусловно необходимым ему для выполнения конкретной функции. (Прим. перев.)

⁴ Совещание, на котором Гальдер сформулировал эти задачи, состоялось 28 января 1941 года, о чем имеется соответствующая запись в дневнике начальника германского Генерального штаба. См. Гальдер Ф. Военный дневник. Т.2. М.: Воениздат, 1969. (Прим. ред.)

Зима 1941 года в Европе была очень снежной

Б. Разгромить Россию в ходе быстротечной военной кампании».

Он изложил главные отличительные черты и основные требования к этой кампании. Расстояние до Днепра, который намечался в качестве рубежа, на который требовалось выйти в первую очередь, – примерно равно расстоянию от Люксембурга до устья Луары. «Быстрота. Никаких задержек!» – отметил Гальдер. Важная роль отводилась транспорту и его организации, причем автотранспорту, а не железнодорожному. По оценкам немецкого военачальника, на тот период была достигнута «высокая степень моторизации» (по сравнению с 1940 годом); кроме того, Гальдер предусматривал создание еще 33 моторизованных соединений⁵.

В течение весны 1941 года на восток перебрасывались все новые и новые дивизии, подготовка стала еще более напряженной по мере того, как в районы стратегического развертывания войск поэтапно стали направляться и штабы соединений, хоть пока и не в полном составе. «Эти месяцы отличались беспокойной атмосферой», – комментировал генерал Блюментритт. Многим из офицеров высшего командования выпало участвовать в боевых действиях на территории России в период Первой мировой войны тогда еще на младших командных должностях. «Так что мы в общих чертах представляли себе, что нас ожидает», – добавил он.

«И среди офицеров штаба, и среди командного состава дивизий росло чувство неуверенности. С другой стороны, долг требовал от них вдумчивой и упорядоченной работы. С прилавков магазинов вскоре исчезли все книги, так или иначе связанные с Россией».

Сохранились наглядные свидетельства тщательной и кропотливой работы по подготовке плана «Барбаросса». Это оперативная документация и многочисленные карты. Выпускались и доработанные карты-справочники, где указывалось расстояние до Москвы, где были нанесены места дислокации частей Красной Армии, важные промышленные объекты, железнодорожные магистрали, энергообъекты, военные госпитали и местоположение органов административного

---

⁵ Автор ошибается. Вот что записано в дневнике у Гальдера: «У нас 33 подвижных соединения; моторизованные артиллерия, инженерные войска, войска связи и т. п. (Прим. ред.)»

управления. Информация тактического характера, касающаяся рельефа местности, изотерм января и июля и иных метеорологических данных, была представлена как в форме таблиц, так и карт. Подготовка плана включала и данные фотометрической разведки, фотокарты, в частности, Москвы, с отмеченными на них зданиями, которые надлежало уничтожить в первую очередь. Блюментритт продолжает:

«На самом деле, приходилось изучать и изучать все материалы, связанные с русской кампанией Наполеона в 1812 году. Ключе внимательнейшим образом штудировал описания упомянутой кампании, сделанные генералом де Коленкур, – в них описывалась специфика боевых действий и особенности жизни в России... мы понимали, что скоро и нам предстоит повторить путь Наполеона».

В истории имеется два впечатляющих примера вторжений в Россию: короля Швеции Карла XII, разбитого в 1709 году под Полтавой, и Наполеона в 1812 году. Последний пример был наиболее ценным, поскольку Бонапарт наступал на Москву тем же путем, каким собирался двигаться и Гитлер, – через Смоленск. Отчеты и воспоминания об этой кампании читались запоем. «Письменный стол Ключе в его ставке в Варшаве был буквально завален публикациями на эту тематику», – вспоминает начальник штаба 4-й армии. Предыдущие вторжения потерпели неудачу вследствие огромного растяжения коммуникаций, недостатка провианта и боеприпасов, вызванного перебоями в войсковом снабжении. К фатальному результату для армий Наполеона и Карла привело также отчаянное сопротивление местного населения и ужасающе холодная русская зима. Все это давало пищу для размышлений, не всегда оптимистичных. Швед Нисбет Байн описал в 1895 году зимние холода 1708 года, сыгравшие роковую роль для армии Карла XII, когда «на бескрайних степных просторах Украины... птицы падали замертво с ветвей деревьев, сраженные морозом, когда замерзло даже вино, да и напитки покрепче обращались в ледяной ком». Беллок описывает погодные условия во время кампании Наполеона 1812 года глазами тех, кому приходилось стоять на посту в мороз:

«Стоя на посту глубокой ночью, эти люди испытывали то, что не шло ни в какое сравнение с выпадавшим на их долю прежде... Европейец просто не представляет себе подобных холодов, надвигающихся с продуваемых ледяными ветрами азиатских степей... Дыхание замерзло в этом шелестящем от мороза воздухе, дышать можно было лишь сквозь закрывавшую рот повязку из теплой ткани».

Многие из офицеров, сражавшихся в России в период Первой мировой войны, а теперь командовавшие крупными соединениями, имели все основания подивиться стойкости и выносливости русского солдата.

Но те, на кого возлагалось планирование данной операции, были твердо убеждены, что все эти сложности вполне преодолимы техническими и идеологическими средствами. Положенные в основу плана «Барбаросса» расистские концепции нацистов в конечном итоге вели к просчетам в подготовке. И степень потенциального сопротивления населения России, и ее экономический потенциал, и боеспособность Красной Армии – все рассматривалось сквозь призму гитлеровской догмы о «расовой неполноценности славян». Все втискивалось в прокрустово ложе утверждения Гитлера, что, мол, стоит лишь «поддать, как следует, и режим разлетится, словно карточный домик». «Русский человек – неполноценен, – писал Гальдер на совещании у Гитлера 5 декабря 1940 года. – Армия не имеет настоящих командиров». И непродолжительная кампания, «блицкриг», наверняка станет успешной. «Если по такой армии нанести мощный удар, ее разгром неминуем», – предвещал он.

Первоначально Гитлер принимал Красную Армию всерьез, однако после ужасных потерь в советско-финской войне в 1939 год его отношение к ней круто изменилось. Советские потери объяснялись, прежде всего, внутренними причинами и, в первую очередь, сталинскими чистками предыдущих лет, которые нанесли невосполнимый урон офицерскому корпусу. Разведка указывала на отсутствие в Красной Армии опытных командных кадров. Германский военный

атташе оценивал советский генералитет как «никуда не годный» и отмечал, что, «если сравнивать его с 1933 годом, России потребуется самое малое 20 лет, чтобы выйти на прежний уровень». Более того, так называемый «освободительный поход» Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину во время польской кампании вермахта еще больше уронил авторитет советской военной машины. Молодой унтер-офицер, артиллерист, принимавший участие в «прощальном параде» в Бресте 22 сентября 1939 года, прокомментировал проход советских моторизованных частей перед Гудерианом и русским генералом⁶ такой репликой:

«Советы выглядели убого. И автомобили, и танки допотопные, должен признаться, все это не больше, чем отживший свой век хлам».

Таким образом, планирование операции «Барбаросса» свелось к чисто оперативному аспекту, а вопрос о том, как организовать снабжение войск, наступающих по трем расходящимся направлениям, остался за скобками. Генерал-лейтенант Паулюс, начиная с сентября 1940 года, также участвовал в разработке плана. Предполагалось, что Советы попытаются удержаться вдоль линии Днепр – Березина – Полоцк и в прибалтийских республиках – севернее Риги. Немецкое командование сформировало три группы армий: одну на юге и две севернее Припятских болот. Однако желание немецких генштабистов окружить и уничтожить Красную Армию в западной части России, не дав ей отступить, вступило в противоречие со стремлением Гитлера обеспечить «жизненное пространство» для арийской расы. В полном соответствии со своими теориями фюрер потребовал первым делом овладеть Украиной с ее богатыми сельскохозяйственными ресурсами, а также промышленным районом Донбасса, а далее обеспечить доступ к нефтяным месторождениям Кавказа. Главнокомандующий силами вермахта фон Браухич и начальник Генерального штаба Гальдер, в отличие от него, руководствовались чисто оперативными соображениями – разгромить Красную Армию, а уж потом извлекать экономическую выгоду.

Группе армий «Центр» в составе примерно 51 дивизии под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока отводилась главная роль. Будучи самой мощной из двух армейских группировок, сосредоточенных севернее Припятских болот, она должна была окружить неприятеля в верховьях Днепра и Двины в районе Минска, лишив его возможности отхода в восточном направлении. Кроме крупных сил пехоты, группа армий «Центр» располагала и мощным кулаком мобильных частей: девять танковых, шесть моторизованных дивизий, одна кавалерийская, входивших в состав 3-й и 2-й танковых групп под командованием генералов Гота и Гудериана соответственно. Группе армий «Север», куда менее многочисленной (26 дивизий), под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба ставилась задача нанести удар в направлении Ленинграда и, соединившись с финскими частями, разгромить силы русских в районе Балтийского моря. Танковые удары осуществлялись тремя танковыми и двумя моторизованными дивизиями, входившими в состав 4-й танковой группы под командованием генерала Гёпнера. Группа армий «Юг» насчитывала 40 дивизий, и командовал ею генерал-фельдмаршал фон Рундштедт. При поддержке 14 румынских дивизий и венгерского корпуса этой группе предстояло наносить удар из Польши во взаимодействии с пятью танковыми и двумя моторизованными дивизиями 1-й танковой группы под командованием генерала фон Клейста. Ее целью было окружить неприятельские силы восточнее Киева. Примерно 22 дивизии, включая две танковых, находились в резерве. Кулак из трех групп армий, несмотря на добавленные к ним мобильные танковые группировки, состоял, главным образом, из пехотных соединений. Именно бронированному кулаку предстояло задавать темп наступления, в противном случае войска передвигались бы по территории России со скоростью армии Наполеона 130 лет назад.

⁶ В момент церемонии передачи Бреста советские части уже были на улицах города, но в прохождении перед Гудерианом не участвовали. (Ред.)

Из плана видно, что в нем не уделялось должного внимания материально-техническому снабжению войск. Возобладала точка зрения Гитлера об упадке «еврейско-большевистской» системы, что, в свою очередь, привело к абсолютно неверным обобщениям относительно уязвимости и слабости СССР. К ноябрю 1940 года специалисты по войсковому снабжению исходили из возможности бесперебойного войскового подвоза в 600 км от исходных рубежей. Специалисты же по вопросам оперативного планирования ставили задачи достичь целей, расположенных в 1750 км от исходных рубежей, причем на всю кампанию отводилось от 6 до 17 недель. И те, кто планировал операцию, и Гитлер исходили из показателей, достигнутых в ходе кампаний в Польше, Нидерландах и Франции. Немецкий солдат представлялся им способным на все, и в принципе это было не так уж и далеко от истины. Ошибкой было отсутствие обобщенного практического опыта ведения боевых действий такого масштаба. Тем не менее в узком кругу Гитлер уверенно заявил: «Когда план «Барбаросса» будет введен в действие, мир затаит дыхание».

«Завтра нам предстоит вступить в битву с мировым большевизмом»

«Вся подготовка свидетельствовала о скором нападении на Советский Союз, – заявил рядовой пехоты Вальтер Штолль. – Мы с трудом верили в это, но факты говорили сами за себя». И перспектива была не из радужных. «Мы продолжали надеяться, что все это не серьезь», – продолжал он. Ранним утром 21 июня офицеров вызвали на совещание. Обычно это предвещало что-то серьезное. Именно так случилось и на этот раз.

«В 14 часов рота выстроилась. Лейтенант Хельмштедт, командир роты, с мрачным видом появился перед нами. Он зачитал приказ фюрера вермахту, – теперь нам стала понятна цель нашего пребывания здесь и всей тайной подготовки последних недель».

Унтер-офицер Гельмут Колаковски, еще один пехотинец, узнал обо всем примерно таким же образом.

«Поздним вечером наши взвод собрали в сараях и объявили: «Завтра нам предстоит вступить в битву с мировым большевизмом». Лично я был просто поражен, это было как снег на голову, а как же пакт о ненападении между Германией и Россией? Я все время вспоминал тот выпуск «Дойче вохеншау», который видел дома и в котором сообщалось о заключенном договоре. Я не мог и представить, как это мы пойдем войной на Советский Союз».

Как и предполагалось, приказ фюрера вызвал удивление и недоумение рядового состава. «Можно сказать, мы были огорошены услышанным, – признавался Лотар Фромм, офицер-корректировщик. – Мы все, я подчеркиваю это, были изумлены и никак не готовы к подобному». Зигфрид Лауэрвассер, прикомандированный к люфтваффе и следовавший к месту назначения поездом, тот вообще ни о чем не подозревал. «Нам никто не сообщил, куда и зачем мы едем, – заявил он и рассказал, как пытался сориентироваться по местности, глядя из окна вагона. – Подъехали к какой-то станции, название было написано по-польски». В ту же ночь они прибыли на место, где их разместили в только что сооруженных бараках на 100 человек. Один из офицеров показал им, где разместиться. Как только Лауэрвассер вместе со своими товарищами собрались, офицер, по-видимому, уже не в состоянии молчать, признался им:

«Мне не положено об этом говорить, ребята, но в 4 часа утра все и начнется!» Мы были в шоке. Что должно начаться? Потом, уже к вечеру, мы понемногу стали понимать, кого нам предстоит атаковать. Мы столько тогда передумали!»

«Об операции «Барбаросса» и о том, что нам предстоит выступить, мы узнали всего за несколько часов до ее начала», – так вспоминал тот день Эдуард Янке из 2-й дивизии СС «Дас рейх».

Узнав о том, что все-таки их ожидает, все почувствовали облегчение. На смену неизвестности пришло волнение. «Это томительное ожидание измотало всех», – сокрушался один ефрейтор.

«Теперь уж поскорее бы», – думали все. В конце концов, чем раньше эта война начнется, тем раньше закончится. Нервозность пронизывает строчки писем домой. «Мы все здесь просто измучились от ожидания», – писал один солдат.

«Обо всем напишу потом. Трудно, очень трудно все это осознать. Сейчас, конечно, нервы на пределе, но зато потом нас ждет победоносное завершение!»

Многие, вероятно, даже большинство смотрели на все хладнокровно. В конце концов, они ведь солдаты. Для офицеров и унтер-офицеров война была уже не в новинку, кое-каким опытом они располагали. Те и восприняли новость гораздо спокойнее. Предыдущие кампании оказались недолгими и победоносными. «Мы были непоколебимо уверены, что и эта тоже не затянется», – заявил ефрейтор Эрих Шютковски из горнопехотного полка.

«Лично я, бросив взгляд на карту, на все эти просторы, задумался, мне вспомнилась участь Наполеона, постигшая его в России. Но я вскоре об этом позабыл. Позади было столько побед, что никто из нас всерьез не задумывался о поражении».

«Почему вам всем кажется, что это затянется надолго? – допытывался один ефрейтор в своем ответном письме домой. – С Россией дело в шляпе, как говорится, я теперь не сомневаюсь, что наша победа не за горами». Для гауптштурмфюрера Клинтера, командира роты из 3-й дивизии СС «Мертвая голова», новость о предстоящей войне с Россией вряд ли была сюрпризом – типичная реакция выдавшего вида солдата. «Утром начинается война с Россией. В 4.00», – будничным голосом объявил он подчиненным. Ничего не попишешь – приказ есть приказ, и мы обязаны ему подчиниться. Ведь было столько примеров, когда фюрер, опираясь на присущий ему дар предвидения, оказывался прав. И фаталистическое восприятие вполне отвечало духу офицера СС: «никаких сомнений и размышлений быть не должно». Чаще всего на смену изумлению приходили холодная решимость и вера в победу. Бенно Цайзер, проходивший в тот период обучение на военного водителя в одном из учебных подразделений вермахта, демонстрировал типичный для тыловика восторг.

«Все это кончится через каких-нибудь три недели, нам было сказано, другие были осторожнее в прогнозах – они считали, что через 2–3 месяца. Нашелся один, кто считал, что это продлится целый год, но мы его на смех подняли: «А сколько потребовалось, чтобы разделиться с поляками? А с Францией? Ты что, забыл?»

Впоследствии все очень часто вспоминали тот последний мирный вечер у демаркационной линии в Польше. Оберлейтенант Зигфрид Кнаппе, артиллерист, видел «безмятежно спящую и освещаемую луной деревню в нескольких километрах, которой суждено было стать нашей первой целью». Кнаппе еще подумал, какой прекрасный ночной пейзаж для картины. «Вдыхая пряный аромат хвои, я обошел свое подразделение, еще раз проверив, все ли в порядке». Ожидание боя обостряет чувства, подобно сильнодействующему лекарству, все виделось как-то обостренно, четче обычного.

«Теперь я уже задумывался о каждом из них в отдельности, чего раньше я за собой не замечал. Одни робкие, застенчивые, другие дерзкие; одни угрюмые, другие смешистые; одни честолобивы, другие безмятежны; одни расточительны, другие скопидомы. Самые разные мысли роились в этих головах под стальными касками... Один солдат что-то бурчал про себя, будто в полудреме. На лицах читалось предчувствие неизвестного, другие вспоминали дом и своих любимых».

Кнаппе в своих людях не сомневался. «Они сильные, умелые и уверенные в себе». Конечно, ветеранов тоже одолевала сомнения, но они держали эмоции на замке. Гауптман Ганс фон Лук, прошедший кампанию во Франции, следовал нехитрому правилу солдата – «думай о хорошем, не позволяй себе думать о плохом». В конце концов, разве кампания во Франции не была образцовой? А ведь тоже боялись. «Но теперь эйфорию минувших месяцев сменяли более трезвые размышления». Кнаппе признавал, что «даже молодые, возвращенные на национал-социализме солдаты не считали, что Россию можно одолеть одним только идеализмом». И на следующее утро эти солдаты, по примеру своих предшественников незапамятных времен, «сосредоточатся на настоящем, на выполнении своего «долга».

Мотоциклетные части германской мотопехоты придавали ударам вермахта особую стремительность

Именно о выполнении долга сейчас и следовало подумать. 88-мм зенитное орудие Генриха Айкмайера было размещено у самого берега Буга, по центру батареи.

«В последний мирный вечер к нашему орудью проложили множество новых телефонных линий; а утром появилась целая толпа офицеров, большинство незнакомых и даже несколько генералов. Нам было сказано, что наше орудие первым выстрелом подаст сигнал к открытию огня. Все осуществлялось под контролем секундомера, первый выстрел должен быть произведен в строго определенное время. Мы первыми открываем огонь, затем орудия справа и слева от нас, вот так и начнется война».

Много позже Айкмайер признался: «но действительно ли наш выстрел стал первым, я имею в виду всю группу армий «Центр» – этого я утверждать не могу!»

Лейтенант Ганс-Йохен Шмидт вместе с подчиненным ему подразделением должен был выйти к месту сбора в низине на рассвете. «Каждый боец получил по 60 боевых патронов, – сообщил он, – и приказ зарядить оружие. Напряжение достигло пика, нечего и думать было о сне». Шмидт с невыразимой отчетливостью вспоминал о доме. По радио передавали веселую музыку.

«В рейхе никто не подозревал о том, что затевается, по радио звучали бодрые танцевальные ритмы, музыка проникала в самую душу».

Реальность происходящего заставила вновь переключить внимание. «Колонна пришла в движение, автомобили потянулись друг за другом».

В Германии погода была знойной. Берлин мирно спал, хотя во всех войсковых штабах царила суматоха. Гражданское население не знало и не ведало о происходящем. «В добавление к уже циркулирующим слухам поползли новые, постепенно обраставшие все новыми и новыми деталями», – такие строки содержались в секретном отчете СС о политической ситуации в рейхе. В отчете, среди прочего, упоминалась даже предполагаемая дата вторжения в Советский Союз – 20 мая, а также о якобы готовящемся визите Гитлера в Данциг для второй встречи с Молотовым «на высшем уровне, с целью урегулировать разногласия между Герма-

нией и Россией дипломатическим путем, как это было в 1939 году». Поговаривали и о том, что в Берлине якобы формировались добровольческие отряды из латышей, эстонцев и литовцев. Слухи, как утверждалось в отчете, «в основном основывались на письмах солдат, дислоцированных у границ с СССР». 17 июня одна супруга отправила своему мужу полное безудержного оптимизма послание:

«Дорогой, надеюсь, ты получил мое письмо. Судя по твоему тону, письма к тебе не доходят. Ненаглядный мой, я не могу понять, почему. Как только я вернулась в Рейдт, так села написать тебе письмо. Это было 8 июня. Надеюсь, что оно все же дойдет до тебя. Но, Йозеф, тебе нечего печалиться, наше время еще придет. Я буду терпеливо ждать тебя».

Другая жена трагично восприняла отправку мужа на восток и теперь сокрушается, что не сможет его увидеть в желанные выходные. Она жалостливо извиняется перед ним за свое неправильное, как она полагает, поведение, она просто опустошена:

«Когда я попыталась дозвониться до тебя, женский голос сказал мне, что ты утром в половине девятого уехал. И тут у меня внутри все словно оборвалось, все это куда хуже, чем я могла себе представить. Скажи мне, с тобой тоже так, и извини за кляксы – это мои слезы!»

В письмах преобладали бытовые темы: воздушные налеты «томми», одежда, продуктовые карточки. В большинстве писем присутствовали вполне объяснимые опасения:

«Любимый мой, я все время держу пальцы крестом, чтобы ты вернулся к своей дорогой жене и детям. Дорогой мой, надеюсь, ты здоров, как там твои ноги? Дорогой, я днями и ночами думаю о тебе, потому что знаю, каково тебе приходится, если ты на марше... Ты сражаешься и должен сражаться, чтобы защитить свою жену и детей; если бомбы летят мимо, это значит, мы тебя должны за это благодарить... Никогда тебя не забуду и всегда буду тебе верна...»

Норберт Шультце, берлинский композитор, вернулся домой после утомительной гастрольной поездки в полдень 21 июня. И тут его неожиданно вызвали на радио к директору. Он и еще один музыкант, Гермс Ниль, получили приказ участвовать в конкурсе «по сочинению музыкальной заставки к сводкам германского радио о ходе восточной кампании». Им дали два часа, после этого министр пропаганды Геббельс, который правил какой-то текст, должен был выбрать мелодию. Обоих композиторов провели в комнату, где стоял рояль. В конце концов, конкурс выиграл Шультце; Геббельс остановил выбор именно на его мелодии, сказав: «А теперь мне хотелось бы, чтобы вы сочинили и завершающую мелодию для русских фанфар». – «Не понимаю?» – пробормотал Шультце. «Разве вы не знаете?» – в свою очередь удивился Геббельс. Шультце на самом деле ничего не знал: «Нет, я за последние несколько дней ничего не слышал. У меня не было ни минуты свободной из-за гастролей». Министр пропаганды поставил пластинку «Прелюдий» Листа. Ее, оказывается, уже раза три передавали по радио, но Шультце не слышал. «Сочините концовку, – распорядился Геббельс, – ею будут открываться все сообщения по радио». Это была мелодия, которой начинались выпуски кинохроники «Дойче вохеншау», и она же превратилась в мелодию, предваряющую выпуски сообщений ОКВ. Ей суждено было стать увертюрой к сообщениям о ходе военной кампании против Советского Союза. Один унтер-офицер, артиллерист писал домой:

«А теперь о том, как тут дела. Через три часа мы передадим по радио приказ об открытии огня по позициям русских, и огонь этот сметет все живое. Вы будете спокойно спать, а мы с первой волной вторгнемся на территорию противника. Но уже утром вы узнаете, что пробил час, вспомните обо мне, пусть даже это письмо не успеет дойти до вас. Представляю, как вы все удивитесь и перепугаетесь. Но бояться нечего, здесь все предусмотрено, никаких сбоев не будет...»

Вдоль всей границы с Советским Союзом германские войска выдвигались на исходные рубежи. «Я находился в составе частей первой волны», – заявил Гельмут Пабст, унтер-офицер артиллерии, действовавшей в составе группы армий «Центр». В его дневнике с фотографии

ческой отчетливостью запечатлен последний этап подготовки. «Части стали бесшумно выдвигаться на исходные рубежи, все разговоры велись шепотом. Скрипели колеса, передвигались штурмовые орудия». Все эти образы навечно остались в памяти тех, кто смог уцелеть. Пехота начала развертывание. «Они шли в темноте призрачными колоннами по полям, на которых росла капуста и рожь». Достигнув исходных рубежей, они перестроились для атаки. Солдаты лежали, вжавшись в землю, слушая, как шевелятся в траве жуки и прочая живность, как квакают в Буге лягушки, и пытаясь разобрать доносившиеся с противоположного берега реки звуки. Все, затаив дыхание, ждали первого орудийного залпа.

А в тылу, на взлетной полосе полевого аэродрома Маринглен, сооруженного на территории оккупированной Польши, по воспоминаниям польского рабочего Доминика Струга, «в два часа ночи запустили двигатели. Аэродром ожил, в воздухе резко запахло авиационным бензином, все вокруг заволкло дымом от выхлопов двигателей». Рабочий продолжает: «Мы сразу же сообразили, что происходит. Потом мы узнали, что немцы начали войну с русскими». Самолеты, разбежавшись по полосе, поднимались в воздух и брали курс на восток. «Все до единой машины направлялись на восток, на Брест...»

Глава 2

«Простые служаки» – германский солдат накануне начала «Барбароссы»

«Эта муштра – да, временами бесчеловечная – была необходима, чтобы сломить нашу гордость, уничтожить чувство собственного достоинства и превратить молодых солдат в податливую массу, которая, не задумываясь, выполнит любой приказ».
Германский солдат

«Бесконечное давление на личность»

Каждая армия, комплектуемая на основе всеобщей воинской повинности, есть отражение общества, ее создавшего. Однако вермахт образца 1941 года не являлся точной копией нацистского государства: в конце концов, он образовался из рейхсвера времен Веймарской республики. Но Вооруженные силы Германии переживали стадию перемен. Процесс этот, начавшийся в 1933 году, осуществлялся по мере экономического подъема Третьего рейха и военных успехов. Блицкриг в Польше, Нидерландах и Франции ознаменовал собой невиданный триумф армии. В кадрах еженедельного кинообозрения «Дойче вохеншау» все могли видеть Гитлера и его триумфальное возвращение из Франции. Он – на пике могущества и славы. Отбрасывая тени, поезд мчится в Берлин. Крестьяне вытягивают руки в нацистском приветствии, истерически рукоплещущие толпы, прибытие в столицу рейха, обставленное с воистину вагнеровской торжественностью. Дети в форме гитлерюгенда забираются на фонарные столбы – радость на лицах. Кордоны эсэсовцев едва сдерживают толпы обезумевших от восторга фрау. Геринг, вышедший к Гитлеру на балкон рейхсканцелярии, судя по выражению лица, поражен зрелищем несметной толпы, восторженные вопли которой не утихают на протяжении всего выпуска хроники.

Начало 1941 года. Член экипажа тяжелого бомбардировщика FW-200 «Kondor» наносит на хвост машины очередную отметку победы

Боевой дух вермахта в ту пору переживал кульминационный взлет. Кадры «Дойче вохеншау» с торжественным парадом победы в Берлине, показанные крупным планом, озаренные радостью женские лица, даже одинокая женская туфля на высоком каблучке на усыпанной цветами мостовой, запечатленная оператором после того, как схлынула толпа, полны патетики. Победителей Берлин встречал с подобающими им почестями. Организации и частные лица спешили выразить «благодарность нашим беспримерным солдатам», захлебывались в восторге средства массовой информации. Раненых осыпали подарками и пригласительными билетами на торжества. Это было лучшее время. В мае 1941 года рядовой Бенно Цайзер вспоминает о том, как его забирали в армию:

«Это были славные дни фанфар, парадов и «специальных сообщений» о «наших славных победах», они следовали одно за другим, именно это и обусловило приток добровольцев. Все казалось бесконечным праздником. Мы все ужасно гордились собой».

Успехи на фронте породили невиданный всплеск идеализма, подпитывавший нацистское мировоззрение, которое в нашем основанном на демократических ценностях, куда более трезвом и даже циничном обществе выглядело бы странно и нелепо. Лейтенант Герман Витцман, в прошлом студент теологического факультета, маршировавший на восток с пехотными частями от Атлантического побережья Франции, сделал в своем дневнике высокопарную запись:

«Мы выступили утром! Маршировали по знакомым дорогам, останавливались на постой в знакомых деревнях. Снова на дорогах Франции пехотинцы, в дождь и слякоть, пехотинцы минуют кривые улочки французских городов, непрерывно думая о доме. Пехотинцы рейха! Германские пехотинцы! Я – во главе первого взвода! Именем Господа нашего!»

Послевоенное поколение приложило немало усилий в попытках примирить столь разные понятия, как солдаты, искренне верующие в Бога и вполне добропорядочные члены общества, и расистскую философию, позволявшую им идти на вопиющие нарушения международных законов ведения войны. После войны один немецкий солдат, уже будучи вне влияния факто-

ров, воспитавших его, дал гневную и отчасти гротескную характеристику типичного «вояки» той поры:

«Что касается меня, стать солдатом было чем-то само собой разумеющимся. Пойти добровольно – только добровольно, но никак не по принуждению! И я пошел в тридцать девятом, но не из патриотизма, нет, и не из-за криков «ура!» – тогда вопили все, кому не лень. Не поэтому. Военищина у нас в крови. Отец был строгим, но справедливым».

Расизм являлся неотъемлемой частью общества, зародившегося еще в имперский период, в какой-то степени сохранявшегося в Веймарской республике и своего пика достигшего после 1933 года. Он продолжает:

«Я был убежден, что большевизм необходимо искоренить. Пусть для этого и потребовалось две мировых войны! Только в мирное время большевики уничтожили восемь миллионов человек. А вы говорите! И меня возмущает /тут он повысил голос/, что немецких солдат записали в людоедов!»

Чтобы осмыслить подобное утверждение, необходимо проникнуть вглубь, попытаться понять для себя ту атмосферу, которая была характерна для нацистской «фабрики манекенов». Внешне это проявлялось в стремлении воздействовать на характер будущего солдата, сформировать из него нерассуждающую машину. На него оказывалось давление, заставляя его подчиниться, усвоить образ мышления, поступки и предрассудки его товарищей, более того, закрепить их. В письме, отправленном за месяц до нападения на Россию, солдат признается родителям:

«За обедом опять всплыла тема евреев. К моему удивлению, все непоколебимо уверены, что евреям делать на этой планете нечего».

Те, кто с подобной точкой зрения не соглашался, обрекались на то, чтобы стать изгоями, оказаться отринутыми стадом, осмеянными и униженными. Испокон веку кодексом любой армии являлось подчинение большинству. Подобное беспрекословное подчинение возводилось в норму и нацистским государством, которому этот солдат служил. Таким образом, речь идет о личном выборе морали в окружении, предписывающем мораль корпоративную. И человеку приходилось молчаливо покоряться перевернутым с ног на голову ценностям. Актриса Маргот Хильпер вспоминает:

«Я жила на Фридрихштрассе, неподалеку от Курфюрстендам, в этом районе проживало много евреев, и мне не раз приходилось своими глазами видеть, как наши сограждане – владельцы магазинов и покупатели – обходились с ними. Стыд и позор! И еще больший позор, что мы-то боялись. Трусливо отворачивались, будто нас это не касается. Мол, ничего не вижу, ничего не слышу».

Национал-социализм поставил себе на службу все средства, чтобы упрочить свои социальные институты и перемены, в первую очередь радио и кино. И то, и другое было общедоступным. Нацисты организовали массовое производство дешевых радиоприемников с фиксированной настройкой на станции, кино также пользовалось всеобщей популярностью вследствие опять-таки дешевизны и общедоступности. После 1933 года перемены пошли семимильными шагами. Новая идеология внедрялась повсеместно. В особенности в молодежной среде, откуда и предстояло рекрутировать пушечное мясо будущих войн за «жизненное пространство». «Не успеешь и оглянуться, не говоря уже о том, чтобы все, как следует, обдумать, как за тебя уже все решено».

И вот 22 июня 1941 года почти три миллиона немцев и их союзников ждали сигнала к нападению на Советский Союз. Понимали ли они, что предстоит подвергнуть испытанию выбранные ими, хоть и не добровольно, ценности? Все эти 17–19 миллионов немцев, которым предстояло пройти ужасы Восточного фронта? И хотя они успели постичь науку убивать на поле брани, в политическом отношении представляли собой людей крайне наивных. Многие и повзрослели-то на войне, но что за опыт политической борьбы может быть у граж-

дан тоталитарного государства? Впоследствии они не раз становились объектом осуждения ученых-историков, выпестованных на конституционных принципах и ценностях демократического общества. Макс Кунерт, кавалерист, вспоминает о травмирующем переходе от гражданской жизни к военной. Даже будучи закален полугодовым опытом отбывания «*трудовой повинности*», где преобладала атмосфера «товарищества, взаимопомощи и дисциплины», он испытал шок, столкнувшись с армейским бытом:

«Первые шесть месяцев все казалось физически невыносимым, мы все чувствовали, что утрачиваем свое Я, медленно, но неуклонно превращаясь в безликую солдатскую массу. Политике там места не было, – разве кому-нибудь в армии позволялось голосовать?»

Любимец Германии, экс-чемпион мира по боксу в тяжелом весе Макс Шмелинг, добровольно вступивший в парашютные войска и участвовавший в высадке на Крите

Политический выбор в тоталитарном государстве – вещь абсурдная, ибо подавляющее большинство населения понятия не имеет, что такое выбор. История доказывает нам, что кровавые диктатуры порождают в людях определенные поведенческие стереотипы, которые в нормальном обществе воспринимаются как неадекватные и даже отталкивающие. Зигфрид Кнаппе, в 1938 году молодой офицер, вспоминает о резонансе, вызванном «хрустальной ночью» (общегерманским еврейским погромом) среди его личного окружения. «Мы в казармах об этом не рассуждали, – говорит он, – потому что нам было стыдно за наше правительство, за то, что оно позволило подобные вещи». Кнаппе признает: «антисемитизм всегда достаточно отчетливо проявлялся среди населения Германии, но никто не считал, что он должен принимать такие формы». Столь откровенное заявление показательное для большинства немцев, а также немецких солдат и офицеров той поры. Вообще, антисемитизм в его крайних формах не был характерен для большинства военных. Гельмут Шмидт, молодой офицер ПВО, побывавший в составе 1-й танковой дивизии в России, решил эту проблему очень быстро. Его поколение, как он высказался уже после войны, не обладало никакими стандартами для самооценки:

«Ни мое поколение, ни следующее /призывники/ и понятия не имело о какой-то там шкале самооценок. Вот поэтому нас и отдали на съедение [Гитлеру]».

Личные моральные установки и предпочтения оказывались в противоречии с общепринятыми. Нацистские стандарты при всей их распространенности охватывали не все население Германии; имелось много и таких немцев, кто просто предпочел пойти по пути наименьшего сопротивления. И часто подобная позиция не вызывала угрызений совести. Все, что от них требовалось, это «принять участие», «приобщиться к большинству», к чему и призывало нацистское учение, его идеология. По мысли Кнаппе, «мы не разделяли ненависти Гитлера к евреям и просто старались дистанцироваться от малосимпатичных его черт». Куда ведь легче, да и куда безопаснее было просто плыть по течению. Это вполне вписывалось в универсальную, общемировую солдатскую философию, главный постулат которой – «не высовывайся». Инге Айхер-Шолль на себе почувствовала, что значит «идти не в ногу» со всеми. Ее брат и сестра были казнены за участие в группе антигитлеровского Сопротивления «Белая роза». И, подвергнувшись аресту гестапо и допросу, Инге поняла, куда может завести такая позиция:

«Мне было всего 19 лет, все это так подействовало на меня, что я больше не смогла избавиться от страха вновь оказаться в тюремной камере, а именно это они и сделали бы со мной».

Ее вынудили подписать бумагу о том, что она никогда и ни при каких обстоятельствах не станет обсуждать детали ее допроса, в противном случае это может стать причиной ее повторного ареста. Это обстоятельство породило перманентный страх. «С того дня, – вспоминала она, – я страшилась тюрьмы, и этот ужас окончательно добил меня, превратив в совершенно пассивное существо».

Гауптман Клаус фон Бисмарк, адъютант командира батальона 4-го пехотного полка, вспоминает, какой шок вызвал у него пресловутый «приказ о комиссарах».

«Все мое существо воспротивилось этому, и я сказал: «Нет, я этот приказ выполнять не буду». Многие из моих друзей разделяли мое мнение, о чем я и доложил своему непосредственному начальнику. Он лишь угрюмо взглянул на меня. Мы считали его порядочным человеком до мозга костей».

4-й пехотный полк, как и другие подразделения, дожидавшийся сигнала к выступлению дивизии, по словам Бисмарка, представлял собой «хоть и довольно консервативный полк, но все же традиции рейхсвера периода Веймарской республики не окончательно умерли в нем». Гауптман Александр Штальберг из 12-й танковой дивизии услышал о «приказе о комиссарах» от своего двоюродного брата, Хеннинга фон Трескова, офицера Генерального штаба группы армий «Центр». «Это же убийство!» – так оценил он его. Его двоюродный брат придерживался того же мнения:

«Вот таков этот приказ, именно поэтому нам не позволено доводить его до личного состава в письменном виде, но зато предписано устно передавать его по команде в ротках перед каждым боем».

Потрясенный Штальберг спросил, от кого исходит упомянутый приказ. «От того, кому все мы приносили присягу [от Адольфа Гитлера]. В том числе и я», – ответил фон Тресков, многозначительно посмотрев на своего брата. Подполковник Генрих Бекер, его начальник, как и подобало, зачитал этот приказ своим подчиненным, услышав в ответ лишь «ледяное молчание». Перед тем, как разрешить офицерам уйти, Бекер предостерег:

«Считаю необходимым напомнить вам о Гаагской конвенции о ведении боевых действий. Я имею в виду обращение с военнопленными и ранеными. Все те, кто будет замечен в дурном обращении с военнопленными и ранеными, будет отдан под суд. Вы понимаете меня, господа?»

«Господа» были не из непонятливых. Фон Бисмарк из 4-го пехотного принял решение не расстреливать комиссаров, поскольку и как солдат, и как христианин не мог осознать, почему вермахт должен физически устранять тех, кто исповедовал иное мировоззрение. Все

они были офицерами и посему куда внимательнее прислушивались к голосу собственной совести, нежели ко всякого рода коллективным решениям, определяя для себя способ действий в грядущей кампании.

Но имелись и те, кто столь же решительно проповедовал и другую точку зрения. Унтер-офицер Вильгельм Прюллер из группы армий «Юг» занес в дневник следующую мысль:

«Близится битва национал-социализма с коммунизмом, повинным в гибели стольких людей. И нам всеми средствами нужно стремиться к тому, чтобы как можно скорее выиграть ее».

Антисемитизм, конечно, успел укорениться среди большинства военных. Прюллер пишет о том, что видел, как в Ченстохове и других городах «евреев сгоняли в стада, как скот», что все они были обязаны носить белую повязку с синей звездой Давида. «И так должно быть во всем мире!» – признавал он. Но в высказываниях служащих вермахта проскальзывает подобие сочувствия к полякам, оказавшимся в зоне немецкой оккупации. «Люди в основном подавлены. Ходят, опустив голову. Везде за продуктами огромные очереди. Полякам здорово достается!» – к такому выводу приходит унтер-офицер Вильгельм Прюллер. А русским придется и того хуже.

«Долг и порядок». И фюрер.

Почитание долга и неукоснительное выполнение приказов считались жизненно необходимыми качествами для каждого германского солдата. С понятиями «долг и порядок» он знакомился с детства, ибо они являлись неотъемлемой частью германского духа. И нацистское государство до самого своего конца использовало эти исконные прусские добродетели. И речь в данном случае идет не просто о бездумном и безусловном подчинении. Эти понятия означали железную самодисциплину и самовоспитание: готовность ответить перед Богом и начальством за свои деяния, какими бы последствиями это ни грозило. Такую философию ничего не стоит обратить во вред, и ее цинично эксплуатировали. Все начиналось с юных лет. Генри Метельман, который проходил призывную подготовку в момент начала кампании в России, размышляет:

«И хотя все, что было связано с нацистами, вызывало у моего отца отвращение, мне в гитлерюгенде нравилось. Форма казалась мне просто великолепной, этот темно-коричневый цвет, да и черный, свастика, и эта блестящая черная кожа. Красота!»

Роланд Кимиг, которому тогда исполнилось 14 лет, вспоминает: «все кругом было регламентировано и втиснуто в рамки. Тебе не позволялось просто болтаться без дела, ты маршировал». Все делалось с определенной целью. Метельман считал, что в гитлерюгенде «нас готовили к армии» и что в армии «нас всему научат куда быстрее». Впоследствии, «когда нас пустили на танки – мы уже знали, что делать». В ходе начальной допризывной подготовки Кимиг привык к этому суровому и беспощадному режиму, который сместил все его ценности. Им на смену пришли другие, желательные и полезные для армии.

«Нас заставляли бегать, гоняли, как лошадей, заставляли ползать по земле, мучили нас всеми способами. И мы тогда не понимали, что все это для того, чтобы сломить нас, подавить волю, чтобы мы потом слепо следовали приказам, не утруждая себя вопросами типа «А для чего это? А зачем то?»

Акты сопротивления подобному обращению были редкостью. Гётц Регер, танкист, считал его «обычной армейской боевой подготовкой». Естественно, что у любого штатского подобные, зачастую бесчеловечные методы вызовут шок. «Конечно, – заметил Регер, – если кто-нибудь, скажем, вел себя неподобающе, то приходилось считаться и с последствиями подобного поведения». Немецкие солдаты-новобранцы бегали, прыгали на корточках, прыгали на месте, совершали марш-броски с полной выкладкой – их заставляли падать на землю, снова вскакивать и так по много раз. «Теперь, если я вижу кого-нибудь в военной форме, – признается танкист Ганс Бекер, – я тут же представляю его лежащим мордой в грязи, ожидающим, пока командир милостиво позволит ему подняться». Целью такого обращения было довести новобранца до такого состояния, когда он уже чисто механически исполняет то, что ему в этот момент велят. И срабатывало. Вот что рассказывает Кимиг:

«Эта муштра – да, временами бесчеловечная – была необходима для того, чтобы сломить нашу гордость, уничтожить чувство собственного достоинства и превратить молодых солдат в податливую массу, которая, не задумываясь, выполнит любой приказ».

Вследствие этого известие о вторжении в Россию, похоже, не вызвало у солдат никаких эмоций, кроме поверхностных разговоров, и не заставило их задуматься о целях предстоящей кампании. Лейтенант Хуберт Бекер поясняет:

«Мы не понимали задач этой кампании в России, изначально не понимали. Но это был приказ, а приказы надлежит исполнять не за страх, а за совесть – вот девиз солдата. Я – орудие в руках государства и обязан исполнять свой долг».

Дисциплина вошла в плоть и кровь солдат вермахта. Сдвиг ценностей в результате безоговорочного принятия «приказа о комиссарах» не был темой открытых обсуждений. Многие

солдаты согласились бы с мнением Хуберта Бекера, высказанным им уже в послевоенные годы. Понятие альтернативы было им неведомо.

«Мы никогда не считали, что солдатом злоупотребляют. Мы ощущали себя германскими солдатами, которые служат своей стране, защищают ее, неважно где. Никто не хотел ни боев, ни этой кампании, потому что наши родители много рассказывали нам о Первой мировой войне и об ее последствиях. Они нам говорили так: «Если случится еще одна война, это будет конец». А потом в один прекрасный день нам приказывают выступить. И кто-нибудь возразил? Да никто!»

Часовой Лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» у казармы

Вера в фюрера заставляла солдат быть готовыми к вторжению в Россию. Военная присяга, *«Ich schwöre...»* предписывала поклясться в верности сначала Адольфу Гитлеру, затем Богу и фатерланду. Генри Метельман вспоминает, что, произнеся слова этой присяги, «мы стали настоящими солдатами, солдатами в полном смысле этого слова». Мнение и опыт Метельмана были типичны для всех тех миллионов немецких солдат, которые ожидали сигнала к началу действий согласно плану «Барбаросса». «В нас воспитали любовь к фюреру, он стал для меня вторым богом, и когда нас убеждали в его великой любви к нам, к германской нации, мне иногда хотелось расплакаться», – писал он. Крах иллюзий еще последует, но в 1941 году Гитлер находился на пике славы и могущества. Идеализм и чувство благодарности за, как тогда казалось, позитивные перемены поддержки вали эту славу, хотя прозрение было уже не за горами. Метельман с восторгом вспоминает о том, что дал ему нацизм:

«Раньше единственное, что мы могли себе позволить, так это погонять в футбол, а гитлерюгенд предоставил нам в распоряжение настоящий спортивный инвентарь и возможность посещать недоступные раньше спортивные залы, бассейны и даже стадионы. Я никогда в жизни не мог поехать куда-нибудь на каникулах – у отца гроша за душой не было. А теперь, при Гитлере за пустяковые деньги я мог отправиться в прекрасный лагерь где-нибудь в горах, на берегу реки или даже у моря».

Веймарская республика, провозглашенная в 1918 году, возложила на свои плечи бремя проигранной войны. И это государственное устройство явилось для очень и очень многих немцев лишь «промежуточной станцией» на пути в лучшее будущее. Традиционные ценности, такие, как упорный и добросовестный труд и бережливость, оказались обесцененными вместе с маркой. Мартин Коллер, пилот люфтваффе, вспоминал: «Моя мать рассказывала мне, что в тот год, когда я родился [1923-й], бутылочка молока стоила миллиард марок». Экономика, отличительными чертами которой в двадцатые годы были высокая безработица, низкие прибыли и дефицит госбюджета, казалось, начинала процветать с приходом фюрера. Бернард Шмитт, уроженец Эльзаса, выразил мнение всех немцев, проголосовавших за НСДАП:

«В 1933–1934 году Гитлер пришел к власти как избавитель. Мы не могли желать лучшего правителя для Германии – мы видели, как он разделался с безработицей, коррупцией и подобными негативными явлениями».

Даже Инге Айхер-Шолль, у которой нацизм отнял брата и сестру, утверждает:

«Гитлер, как все в один голос утверждали, стремился к величию нашего отечества, его процветанию и благу для него. Он мечтал, чтобы у каждого была работа и свой кусок хлеба, чтобы каждому немцу жилось свободно. Мы считали, что это прекрасно, и также стремились внести свой посильный вклад».

Даже когда все пошло наперекосяк, немецкие солдаты продолжали верить Гитлеру. Отто Кумм, служивший в войсках СС, признавался: «Естественно, все мы недоумевали в конце кампании 1940 года, когда было решено не выступать против англичан, но все это длилось недолго». Никто не задавал вопросов высшему руководству, напротив, солдаты ему доверяли. Колебания Кумма «носили поверхностный характер и не подвергали сомнению гений вождя».

Накануне начала операции «Барбаросса» немецкий солдат верил в себя и своего фюрера. Пехотинец Георг Бухвальд считает: «Мы хорошо проявили себя во Франции», такого же мнения придерживался и гауптман Клаус фон Бисмарк: «Мы гордились собой – своей жизнестойкостью, выдержкой и дисциплиной». Победа над Францией изменила умонастроения и в тылу. Хериберт Миттельптадт, которому в ту пору минуло 14 лет, поразился, когда услышал из уст матери слова «наш чудесный фюрер». Это случилось после победы над Францией. Миттельптадт считает, что «вопреки ее религиозным верованиям, какое-то время она была свято убеждена, что все обернется к лучшему и войну мы выиграем». Его отец три года провел в окопах Первой мировой войны и, как казалось Миттельптадту, «так и не сумел до конца смириться с горечью поражения».

Штефан Томас, врач и социал-демократ, как-то разговорился с одним пожилым ветераном политических кампаний, и тот признался, что начинает порой сомневаться, «а в той ли партии мы состоим». Томас тоже имел все основания задуматься: «Мой отец три долгих года просидел в грязи под Верденом в Первую мировую, а теперь в 1940 году на его глазах Франция перестала существовать за три недели. Блицкриг».

Доверие к высшему руководству имело своим следствием укрепление духа товарищества и даже отражалось на поведении солдат. Как и во всех армиях мира, в вермахте темой номер один были женщины. Победоносные итоги западной кампании в этом смысле явно приносили бойцам выгоду. Унтер-офицер танковых войск Ганс Бекер вспоминает о том, какой воистину магический эффект оказывали наградные планки и медали на представительниц слабого пола.

«Они были не прочь показаться под ручку с увешанным наградами военным, пусть даже раз в неделю сходить с ним на танцы или в кино».

Военный люд охотно применял терминологию боевых действий к амурным делам. «Подходы к позициям», «решительное наступление», «круговая оборона», «вынужденная посадка» – все это была новая стилистика, рожденная на свет милитаризованным обществом.

Никогда вермахт еще не пользовался такой популярностью. Один унтер-офицер танковых войск в черной форме, как-то потеряв в кино кольцо своей возлюбленной, без труда

добился выплаты ему соответствующей суммы от дирекции кинотеатра. Юрген Э., познакомившийся с одной симпатичной девушкой во время увольнения, удостоился приглашения на квартиру уже в первый вечер. Молодой человек не мог поверить свалившемуся на него счастью. Оказавшись у нее в гостях, он сообразил, что его просто-напросто «взяли в плен», выражаясь военным языком. Счастье длилось целых три недели, а потом девушка стала его женой.

Два связиста, Карл Хайнц Краузе и Ганс Карл Кубяк, части которых дислоцировались в Восточной Пруссии, были направлены в Берлин для приобретения дефицитных радиодеталей, – командование решило запастись ими впрок на период русской кампании. В столице Краузе познакомился с поварихой по имени Берта. Кубяку было поручено писать душещипательные любовные послания – малограмотный Краузе сам ни за что не осилил бы их, а в награду автору писем полагалась доля продуктовой посылки, которую регулярно направляла повариха своему возлюбленному. Даже после ранения в России Краузе поддерживал связь со своей воздыхательницей ради солидной прибавки к солдатскому пайку, ссылаясь на раны обеих рук. Берта выражала сочувствие. Солдаты, как мы видим, своего не упускали, витая между жизнью и смертью.

«Готовы... к тому, что должно случиться!» Германская армия. Июнь 1941 года

Победа над Францией, достигнутая всего за полтора месяца, несомненно, принадлежала к числу военных достижений, но в некоторых аспектах она оказалась и вовсе уникальной. Многие дивизии стран-союзников получили боевое крещение, сталкиваясь с мобильными частями вермахта. К такого рода сражениям они оказались совершенно не готовы. Командующий 4-й армией генерал фон Клюге оценивает кампанию во Франции хладнокровно, аналитически, признавая, что победе в немалой степени способствовал ряд специфических факторов. Низкий боевой дух французской армии, полное превосходство в воздухе сил люфтваффе, исключительно благоприятные погодные условия и комбинированное применение авиации и танковых частей – все это и привело к столь ошеломляющему успеху.

Тактические принципы германской армии особенно славились среди военных и очень хорошо себя зарекомендовали. Их суть состояла в предоставлении командирам максимальной свободы при выполнении четко поставленных задач, развитии инициативы у штабных работников всех уровней. Генерал Эрих фон Манштейн, командующий корпусом, также считал, что победа во Франции целиком и полностью зависела от неспособности неприятеля противостоять немецким танковым силам. Уроком этой кампании стало то, что и в армиях других стран начали переходить к нанесению массированных ударов танковыми клиньями, активно использовать авиацию для поддержки наземных сил. И времена легких побед канули в Лету. После серьезных поражений начального этапа кампании французские дивизии героически сражались под Дюнкерком, оказываясь даже в безвыходных ситуациях. Ко времени окончания боев на Западе германские войска потеряли четверть своих танковых сил – 683 танка, а также убитыми – 26 455 человек, ранеными – 111 640 и пропавшими без вести – 16659. Так что не такой уж веселой и безоблачной оказалась эта «прогулка» по Франции.

Германские пехотинцы тренируются преодолевать водную преграду

Офицерский корпус германской армии, следует отметить, вполне всерьез и с уважением воспринимал Красную Армию. Если подходить к будущей кампании с мерками Первой мировой войны, то, судя по всему, она будет куда серьезнее предыдущих. Русские солдаты всегда отличались выносливостью, способностью выполнять поставленную задачу даже в нечеловеческих условиях. Тактическая доктрина русских мало отличалась от германской и также имела ярко выраженный наступательный характер. Фон Клюге считал, что, несмотря на несомненный успех моторизованных частей его 4-й армии во Франции, она все же недостаточно сильна для боев на просторах России. Там немецким войскам надо будет действовать еще более решительно и энергично.

20 марта 1941 года фон Клюге распорядился уделять на учениях больше внимания развитию у солдат выносливости, – в России нечего рассчитывать даже на минимальный комфорт. И людям, и гужевому транспорту предстоит совершать продолжительные марши, не исключается возможность применения противником химического и биологического оружия. Войскам наверняка придется отражать контратаки больших сил пехоты, которую будут поддерживать артиллерия и танки. Германский солдат должен быть готов к рукопашным схваткам, ему необходимо освоить тактику ночного боя. Русские, эти «дети природы», такой тактикой владеют отменно. Несмотря на острую нехватку всего необходимого, Красная Армия экипирована куда лучше, чем прежние противники вермахта. Германскому солдату следует взять на вооружение опыт финнов и испанцев – в частности, это касается борьбы с танками. Сражения будущей войны будут разворачиваться не на хороших дорогах Западной Европы, а на бескрайних степных просторах, в огромных лесных массивах со всеми вытекающими отсюда проблемами. В ходе предстоящей кампании штабы частей окажутся крайне уязвимы. Обычных мер безопасности в России явно будет недостаточно. Поэтому штабным офицерам необходимо прекрасно владеть личным оружием и быть готовыми применять его, если потребуются. Подобные перспективы для многих казались устрашающими.

Как ни странно, но поразительные успехи германской армии особенно рельефно выявили целый ряд организационных проблем и просчетов в боевой подготовке личного состава. Это выразилось прежде всего в снижении меткости стрельбы, отсутствии навыков ведения рукопашного боя, в неумении вести боевые действия ночью и в лесистой местности. Немецкие пехотинцы стали крайне неохотно относиться к учениям, они не уделяли достаточного внимания фортификационным работам. Гитлеровская политика выделять огромные суммы на строительство казарм привела к тому, что немецкий солдат стал более изнеженным в сравнении с 1914 годом.

А между тем именно пехотные части, так не поспевшие за требованиями, предъявляемыми грядущей кампанией, и составляли основную массу германской армии. Именно им предстояло заниматься уничтожением окруженных частей противника, которые, как предполагалось, окажутся в «котлах» в результате действий подвижных моторизованных соединений вермахта. Германским пехотным частям требовалось время на переформирование и доукомплектование после серии проведенных демобилизаций. Уроки кампании во Франции были ясны. Вермахту как воздух нужны были моторизованные части и разведывательные подразделения. Скорость проведения операций во многом зависела от того, с какой скоростью передвигалась пехота. Поэтому во Франции наступающим пехотным частям пришлось спешно создавать моторизованные батальоны, усаживая личный состав на трофейный транспорт, включая и гражданские автомобили.

Войскам требовалось и куда более эффективное противотанковое орудие, чем «колодушка» – такого названия удостоилась 38-мм противотанковая пушка, которая не могла пробить броню даже устаревших танков. Появилась острая необходимость усовершенствования методов боевого применения артиллерии и формирования подразделений корректировщиков

артиллерийского огня. Теперь, после захвата во Франции большого количества трофейной техники, появилась возможность заняться реорганизацией пехотных частей. Поэтому еще в разгар французской кампании Гитлер официально приказал сократить армию до 120 дивизий, но в то же время количество мобильных частей увеличивалось – до 20 танковых и 10 моторизованных дивизий.

Однако два с половиной месяца спустя Гитлер принимает прямо противоположное решение и отдает приказ довести количество дивизий до 180, мотивируя это подготовкой к началу русской кампании. Всего за 11 месяцев до вторжения в Советский Союз началась лихорадочная работа по формированию новых частей и разработке планов предстоящих операций. В итоге все надежды на скорую модернизацию – оснащение пехоты и артиллерии мобильными средствами и новыми видами оружия – пошли прахом.

Для оккупации Европы и обороны захваченных территорий от предполагаемого вторжения англичан, по мнению германского Генерального штаба, требовалось иметь в составе вермахта к июню 1941 года 209 дивизий. Однако имелись и другие ведомства, куда уходили и без того скудные ресурсы живой силы и техники. Так, например, люфтваффе Геринга существенно увеличило численность наземных служб после падения Франции. А 3 декабря 1940 года Гитлер очередной своей директивой распорядился сформировать воздушно-десантный корпус на базе 22-й пехотной дивизии. Между тем за два месяца до этого в парашютно-десантные части из армии уже передали 4500 солдат, для вооружения которых потребовалось 20 000 винтовок и пистолетов. Британские бомбардировки рейха вынудили Гитлера передать летом 1940 года в распоряжение люфтваффе 15 000 зенитных орудий и 1225 офицеров для организации сил ПВО. 8 ноября 1940 года Гитлер объявил о своем решении иметь в составе вермахта 4 дивизии войск СС, а полк СС «Адольф Гитлер» был усилен до бригады. Впрочем, их боеготовность армейские офицеры оценивали как крайне низкую. В конце августа 1940 года Гитлер решил демобилизовать из армейских рядов 300 000 рабочих металлообрабатывающей промышленности в целях усиления военного производства⁷. Для формирования новых дивизий призывался контингент 1919, 1920 и 1921 годов рождения. Начальную подготовку они начали проходить в августе 1940 года, завершение ее планировалось на май 1941 года, то есть непосредственно перед началом русской кампании.

Выполнить указание Гитлера об удвоении числа моторизованных дивизий было невозможно в принципе. В мае 1940 года армия рейха располагала 10 танковыми дивизиями, их число к июню 1941 года достигло 19. Но для этого пришлось вдвое уменьшить количество танков в дивизии. Отжившие свой век танки Т-I и Т-II снова оказались в строю, поскольку танковая промышленность Германии была неповоротливой, производство танков составляло всего 200 машин в месяц. Вместо 324 танков на дивизию, как это имело место в 1939 году, в июне 1941 года, перед кампанией в России, в танковых дивизиях вермахта насчитывалось от 150 до 200 танков. Создание 10 новых танковых дивизий вынуждало армию отбирать грузовики у пехотинцев, но даже в этом случае одна танковая дивизия оказалась укомплектованной исключительно трофейным автотранспортом, захваченным у французов. И германская пехота оказалась в еще более невыгодном положении. Имелись дивизии, полностью укомплектованные артиллерийскими и противотанковыми орудиями чешского и французского производства. Отсутствовала единая организационная структура быстро формировавшихся новых моторизованных дивизий. Это были в основном полки двухбатальонного состава, кроме того, в них

---

⁷ 28 сентября 1940 г. Гитлер издал приказ о предоставлении «производственных отпусков» военнослужащим вермахта. Планировалось временно направить в военную промышленность не менее 300 тыс. квалифицированных рабочих для увеличения производства вооружения и боевой техники. Однако в апреле 1941 г. они были возвращены в вермахт. – См. G. Thomas «Geschichte der deutschen Wehr-und Rüstungswirtschaft (1918–1943/45). S. 271–273. (Прим. ред.)

входил один батальон мотоциклистов; а иногда еще и механизированный батальон, личный состав которого передвигался на бронетранспортерах⁸.

Проводимое лихорадочными темпами формирование новых частей и соединений чрезвычайно негативно отражалось на качественной их составляющей. Германская пехота 1941 года мало чем отличалась от таковой периода начала кампании во Франции в 1939 году. Практически ни одна из реформ, намечаемых по завершении упомянутой кампании, так и не была завершена. Танковых дивизий стало числом больше, они располагали и большим количеством средних танков – Т-III и Т-IV, – но они были слабее дивизий образца 1939 года. Поставки новой техники в рамках переформирования продолжались буквально до самого начала операции «Барбаросса», вплоть до момента стратегического развертывания войск. Лейтенант Кох-Эрбах, командир роты в 4-й танковой дивизии, получил смонтированные на полугусеничных машинах 37-мм противотанковые орудия «буквально за пару дней до 22 июня 1941 года». Моторизованная бригада СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» начинала кампанию, имея 2325 грузовиков, 240 из которых были трофейными. Довольно скоро по причине отсутствия запчастей вышло из строя свыше 1200 машин. В мае 1941 года 20-я танковая дивизия была переброшена к месту сбора в Восточной Пруссии со значительным недокомплектом транспортных средств. Согласно оперативным сводкам полков и дивизий запасные части поступали «нерегулярно, в недостаточном количестве, как правило, всего за несколько дней до решающих сражений». Система материально-технического снабжения работала в страшном напряжении, а между тем до начала кампании оставались считанные дни⁹.

98-я пехотная дивизия, по завершении кампании во Франции демобилизованная, была вновь сформирована в феврале месяце 1941 года. И хотя в соединении началась и полным ходом осуществлялась боевая подготовка, «вопрос «что же стало с 98-й дивизией?» занимал многих». Более того, казалось, все эти «отпускники из промышленности» – те, кого на время демобилизовали – «за время отсутствия напрочь позабыли даже то, что знали». Это еще одно доказательство тому, что германские солдаты отнюдь не были сверхчеловеками. Как и в других армиях мира, солдаты вермахта были субъектами оказываемого на них давления (которому они иногда могли и воспротивиться). Солдата-новобранца тут же отучали от всякого подobia проявлений независимости. Система работала лишь в том случае, если все превратятся в податливую массу. Вот что составляло основу всей подготовки. Солдаты же «высовываться» не желали. Поэтому никто и не обсуждал «приказ о комиссарах». Германский солдат верил в своих умных офицеров и фюрера, продемонстрировавшего успехи и в экономической, и в дипломатической, и, как это выяснилось недавно, в военной области. Если от них требовали воевать с Советским Союзом, что же, фюрер прекрасно знает, что делает, посему нечего и рассуждать. Солдат вполне устраивал принцип «долг и приказ» и служить «по-солдатски». И офицеры не сомневались, что, несмотря на все огрехи, каждый в отдельности немецкий солдат превосходит своего русского противника.

⁸ Говоря об относительной слабости германских механизированных войск, автор несколько ступает краски. Так, слабые танки Т-I и Т-II к началу вторжения в СССР составляли не больше трети от общего количества танков вермахта и использовались в основном только в разведке и для связи. (См. Г. Гудериан «Воспоминания солдата»: Смоленск: Русич, 1999. С 193.) Среднемесячный выпуск танков и штурмовых орудий в Германии увеличился со 180 в 1940 г. до 270 в первом полугодии 1941 г. (Прим. ред.)

⁹ 26 апреля 1941 г. в своем дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер сделал такую запись, посвященную вопросу материально-технического снабжения войск: «После формирования [автотранспортных] полков за счет выделения машин из гражданского сектора и из национал-социалистского автомобильного корпуса потребность в автотранспортных средствах, кажется, полностью покрыта». (См. Ф. Гальдер. «Военный дневник». Т.2., М: Воениздат, 1969). (Прим. ред.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.